

Ольга Лаэдэль

Лесбийская лирика

Самиздат 2010
(24 февраля 2010 г.)

© Ольга Лаэдэль, 2000-2010 гг.

Разрешается воспроизведение и распространение дословных копий этого сборника или его частей любым способом на любом носителе, при условии, что это разрешение сохраняется и указаны автор (Ольга Лаэдэль) и первоисточник (сайты <http://laedel.euro.ru>, <http://laedel.pochtamt.ru>, <http://laedel.della-luna.net>).

ПОДРУГА

Моим милым, нежно любимым друзьям —
** * и * **

Шёл снег, было темно и очень холодно. Я стояла на автобусной остановке, растирая коченеющие пальцы. В свете фонарей и фар ночь становилась тёмно-синей или тёмно-фиолетовой, романтически неприветливой и тревожной...

Погрузившаяся в эту цоевскую ночь, я мёрзла, ждала автобуса, который никак не появлялся, и вспоминала прошедший вечер.

Оттого, что он прошел, мне было до слёз грустно. Так тоскливо, так тоскливо вновь расставаться с Лидой, моей милой подругой, с которой мы так редко виделись.

Мы дружили со школы, со второго класса, и с тех пор привязались друг к другу безмерно. Ни переезд Лиды, ни учёба на разных факультетах (а физфак и матфак находились в разных зданиях, в разных концах города), не ослабили этой привязанности, несмотря на редкость наших встреч.

Нас роднило столь многое! Мы вместе росли, знали друг о друге, наверное, всё, нас объединяли общие увлечения, общие мечты...

Лида была необыкновенной, ни на кого не похожей, и от жизни хотела гораздо большего, чем замужество, дети, дом, семья, богатство или что-нибудь ещё в этом же духе — чего обычно хотят. Ей нужно было гораздо больше, чем успех, благополучие — её влекло осмысление, понимание, познание, изучение мира, природы, человека. Лиду отличала широта взглядов, тонкость ума и возвышенность стремлений. Её ум мыслителя, устремлённый к основам мироздания и сути человеческого бытия, пылкий, живой и пронизательный, глубокий и ясный, (поначалу наивный, а потом всё глубже понимающий сложность мира и людей) влёк меня к подруге, преисполняя нежным восхищением. И тем сильнее очаровывала возвышенная романтичность Лиды, мечтательной и влюблённой в красоту, которую она тонко чувствовала во всём — в людях, в природе, в искусстве, в человеческой мысли. Благодаря богатейшему воображению, тонкой и умной, гармонирующей с разумом, любви к необычному Лида была оригинальна, свободна, но основательна в суждениях и идеях.

И в то же время чуткость и утончённость лидиной души делала её очень нежной, хрупкой и часто совсем незащитной. За внешней напряжённой сдержанностью и даже артистичностью крылась ранимость и чувствительность к боли, горю и обидам, близким и далёким, своим и не своим. Жестокость, вокруг ли, за тридевять ли земель, ранила её глубоко и больно.

Наверное, лишь мне одной могла Лида открыть и свои горести, и свои восторги, и свои мечты, не опасаясь быть раненой непониманием, уверенная в сочувствии и поддержке. И наша дружба была бесконечно нежной, бесконечно тёплой оттого, что мы находили друг в друге многое, чего не находили больше ни в ком — будь то наше с Лидой отношение к жизни, к миру, да и просто понимание во всём. Мы говорили друг другу то, чего не сказали бы никому, открывали друг дружке самые потаённые уголки наших душ, встречая понимание и нежность. Да что там — каждой из нас были открыты все мысли и чувства другой!

Только друг с другом мы были, как есть, естественными, искренними и откровенными без остатка. Такого беспредельного, всецелого доверия, какое было между нами, ни у неё, ни у меня не было больше ни с кем.

Нам было так хорошо, уютно и спокойно вместе, особенно этим вечером... Но вечер прошел, и я одна, и она одна, и вокруг жизнь жёсткая, колючая, неприветливая, часто

пугающая, неродная до отчаяния... И люди, все столь же чужие... И только мысль о подруге — словно глоток чистого лесного воздуха в городском удушливом дыму...

Я всей душой тянулась к ней — среди чужого, постоянно ранящего мира она была единственной, кто лечил эти раны, кто прогонял и боль, и тоску, и обрыдлую обыденность, и тревогу... Такая добрая, нежная, всепонимающая, умная и красивая! Единственная, необыкновенная подруга!

Я знала, что значу для неё то же самое, и оттого ещё неистовей и отчаянней моя душа стремилась к ней.

Я глядела в сиреневую синеву ночи, через бесконечный рой снежинок, а перед глазами была она, Лида, прощавшаяся... Она стояла на пороге, у открытой двери, маленькая, изящная, в чёрном коротком платье, грустно улыбалась, её большие карие глаза переполнялись печальной нежностью...

Потом вспомнилось, как мы сидели на убранной красно-жёлтым покрывалом кровати и разговаривали. Она уютно устроилась в углу, обхватив колени руками, говорила или слушала, чуть наклоняя голову набок, и глядела ласково из-под густых ресниц. Я полулежала рядом, счастливая и немножко обалдевшая. Менялись темы разговоров, мы обговорили почти всё на свете, переходя от грусти и тревоги к смеху и веселью (а как заразительно и красиво смеялась Лида!), и обратно...

Вспомнилось, как она рассматривала меня в новом платье из лазурно-синего атласа, волнистом, блестящем. Восхищённо оглядев со всех сторон, она говорила, что я бесподобна и выгляжу как фея. А я от радости не знала, что и ответить — ведь перед каждой встречей с Лидой я украшала себя как только могла, словно для самого изысканного бала... Так хотелось сделать наши встречи праздником красоты и очарования! Лида же обычно появлялась в чёрном коротеньком облегающем платье, обнажавшем плечи и руки. Бархатность платья и глубокий бархатистый оттенок чёрных колготок придавали подруге особенную нежную стройность. Так Лида одевалась только для наших встреч, и никогда более, не желая плотоядных взглядов мужчин и ядовито-завистливых взглядов женщин.

Ах, как редки и недолги наши встречи, как нехватает нам их! Как выразить всю нежность нашей дружбы, как подарить друг другу всю теплоту своих чувств за эти счастливые часы!?

Не хватит никаких слов, но есть взгляд, жесты, интонации. Будучи вместе, мы любовались друг другом и каждая излучала всею собой ласковую дружескую доброту, что бы мы ни делали и о чём бы ни говорили.

Мы жили друг другом, нашей дружбой, и несколько лет нечастых встреч после переезда Лиды заставили почувствовать это особенно сильно.

Итак, я стояла на остановке, а в памяти всплывали то одни, то другие наши общие с Лидой события, и мне было бесконечно одиноко в этой ночи, почему-то ассоциировавшейся то с Плутоном, то с каким-нибудь спутником Сатурна, Урана, или Нептуна. Подошёл переполненный автобус, в который я не смогла залезть. Было уже поздно, я простояла около часа, изрядно замёрзнув, и не представляла, когда же наконец доберусь домой.

Не знаю почему, но мысль вернуться, остаться у Лиды на ночь пришла мне в голову далеко не сразу. Я не сразу решилась на это, хоть и предупреждала родителей, что могу остаться ночевать у неё. Уж слишком экстраординарен был такой шаг, ломавший всегдашнюю привычку ночевать дома. Наконец решившись, я быстро, напрямик, через сугробы, направилась к лидиному дому. Оказавшись у её двери, чуть помедлила со звонком — уж слишком странным казалось мне моё возвращение, несмотря на его вполне обыденные причины.

Я позвонила. Увидев меня через глазок, Лида воскликнула «Адель, ты!» и открыла. На её лице, в её голосе была смесь радости и тревоги.

— Видишь... я так и не смогла уехать... — неловко улыбнулась я, — можно я

переночую у тебя?

— Конечно, разумеется...— она согрела мои руки в своих, потом помогла снять пальто, я достала туфли, переобулась. Лида глядела на меня и улыбалась просветлённой улыбкой радости после горя.

— Ты плакала? — догадалась я.

— Да... Аделиночка, милая, так больно было прощаться с тобой... Сразу стало ужасно одиноко! Когда тебя нет рядом – вокруг пустота... Мне очень не хватает тебя, очень... Я так рада, счастлива, что ты опять пришла... Ну проходи, пойдём... Подумать только, впереди целая ночь!...

Она провела меня в комнату, снова уютно устроилась на кровати в углу.

— Ах, Аделина, милая моя Аделенька, как хорошо, тепло и уютно нам друг с другом!.. — вздохнула Лида, чуть склонив голову на бок, — Знаешь, ведь мы с тобой вдвоём, вместе, создаём вокруг себя целый мир, только наш, твой и мой, совсем непохожий на всю жизнь вокруг, совершенно особенный, в котором и только в котором мы бываем счастливы. Поразительно, какова наша дружба! Я больше нигде, никогда не встречала такой...

— Просто вся ты находишь отклик во мне, а вся я — в тебе...

— О, это вовсе не просто... но этим всё сказано.

— И больше нигде такого отклика не найти...

— Да.

Мы молча сидели на кровати, Лида держала меня за руку. Я любовалась подругой — её изящным умным лицом с плавно очерченными скулами, густыми чёрными волосами с причёской каррэ и разлетающимися полузакрытыми чёлкой бровями, большими выразительными и задумчивыми глазами, острым моцартовским носом, большим ртом с тенью грустной улыбки, и точёным остреньким подбородком. Её миниатюрная фигурка была столь же изящна, как и лицо — гладкая загорелая кожа, красивые плечи и руки, трогательную наготу и худобу которых оттеняли тонкие бретельки бархатного чёрного маленького платья, подчеркивавшего стройность и нежность её тела. Лида сидела, обхватив руками изящные тонкие ноги, обтянутые матово-чёрными колготками и совсем не скрываемые коротеньким платьем; обута была она в туфли на высоких тонких каблуках, блестящие и тоже чёрные.

Надеюсь, и я гармонировала с ней — такая же маленькая и тонкая, золотоволосая, в бальном платье, специально сшитом для наших встреч.

Разговор возобновился. Мы долго вспоминали — детство и школьные приключения, перестроечное отрочество — расклеивание листовок, митинги, надежды, по большей части не сбывшиеся. Вспоминали, как изобретали и мастерили самые необыкновенные наряды и танцевали в них друг для друга на придуманных нами же праздниках. Вспоминали первые увлечения наукой — как наблюдали в бинокль звёздное небо, как паяли всякие радиотехнические устройства, как читали книги из «библиотечки "Квант"» и школьные учебники на два-три класса вперёд. Вспомнили, как читая «Туманность Андромеды» и «Лезвие бритвы», а потом «Час Быка» и «Таис Афинскую», открыли перед собой невероятную глубину Вселенной, человека, разума... Как, мысленно споря, дискутируя с Ефремовым и его героями, строили своё мировоззрение, свою философию...

Время было далеко за полночь, пора было бы спать, но как уснёшь, когда нахлынуло столько чувств, воспоминаний, вдохновения...

Мы включили музыку — тихо-тихо, Лида предложила выключить свет, полежать в постели, послушать и помечтать. Я согласилась, Лида выключила люстру, оставив лишь бра над кроватью неярко светиться.

Тихое мечтательное пение скрипки и флейты, приглушённый свет, звонкий и чистый голос Лиды и её грациозный силуэт — как всё было прелестно!

Лида убрала с кровати покрывало, поправила подушку. Потом она сбросила туфли, и изящными движениями стянула с себя колготки и платье.

Оставшись обнажённой, она грациозно потянулась с глубоким вздохом. Я увидела Лиду потрясающе прекрасной, у меня сжалось сердце от восхищения и вдохновения её красотой. Её тело было самой нежностью! Столько поэзии в гармоничных формах, в грациозных движениях! Миниатюрность Лиды усиливала это впечатление и делала все очертания её тела выверенно-ювелирно-изящными.

Мне не доводилось видеть подругу обнажённой уже несколько лет, и раньше она была совсем не такой... Голая она становилась очень неловкой, хотя и трогательной по-своему в этой неловкости. Теперь же к худобе добавилась тщательная плавность всех форм её тела, талия стала тоньше и гибче, бёдра немного шире и круглее, круглее сделались и небольшие острые груди, чуть резче выразились черты лица, все движения стали мягче. Лида расцвела нежной красотой, которую, обнажённая, явила в полной мере.

Я смотрела на Лиду, и меня переполняло самое сильное чувство прекрасного, от которого сжималось и замирало сердце. Больше, чем любование, больше, чем восхищение, больше, чем благоговение перед красотой, было это чувство! Оно сильнее, чем когда бы то ни было, заставило меня проникнуться обожанием своей подруги, безмерным, бесконечным, безбрежным обожанием.

Постояв неподвижно, Лида повернулась к зеркалу, поправила причёску, и плывя в неярком свете, как дельфин в волнах, приблизилась ко мне. Она улыбалась полуоткрытыми губами, в её добрых глазах была радость.

— Я обожаю тебя и я счастлива! — выдохнула я единственную фразу, что пришла мне в голову.

— Я тоже!.. — Лида улыбнулась, как только могла улыбаться своими выразительными глазами и губами. Она принялась расстёгивать моё платье. И вслед за подругой разделась и я.

— Какая ты хорошенькая, Аделя, какая очаровательная! — выдохнула Лида, пристально, нежно и зачарованно глядя на меня обнажённую... Смущённая ролью богини, которой готова была наделить меня подруга, я прошла через комнату и села на кровать.

— Аделиночка, ты прелесть! — Лида снова улыбнулась сияющей улыбкой и легла рядом.

Она привлекла меня рукой к себе, я тоже легла, осязая голым телом её гладкую кожу и мягкую постель. От лидиных волос и от подушки пахло духами, едва слышно звучала музыка, было тепло...

— Как хорошо! — выдохнула Лида — совершенно голые, совершенно свободные, не разделённые ничем, не обременённые ничем. Вчувствуйся в наготу! — Лида сильнее привлекла меня к себе, едва касаясь пальцами, погладила моё плечо, руку и грудь.

— Я вся открыта, вся беззащитна...

— Где нет опасности, беззащитность – это свобода. Тебя не сковывает, не отяжеляет броня. Ты доступна всему, но всё дружественно, и несёт тебе радость...

— О, так бывает лишь наедине с тобой.

— И для меня тоже – только с тобой, Адель.

Мы были взволнованы, мы осязали друг друга и ночь.

— Ах, Лида, милая моя подружка! Сердце сжимается и замирает - столько самых горячих чувств дружбы, признательности, нежности переполняют меня!.. Не знаю как излить их тебе, как выразить их!..

— А я знаю, — ответила Лида. Она повернулась ко мне, обняла меня своими женственными руками, страстно прижалась ко мне и, пробираемая дрожью, поцеловала меня в губы. Её поцелуй был долгим и ласковым, губы горячими, нежными, влажными, а дыхание

трепетным. Я тоже обняла её, гладила её худенькую спину и плечи, ласкала её прелестную головку, погружая руки в чудесный шёлк волос. Наши груди соприкасались, два сердца бились как одно, нега залила тела, а счастье любви — души. Я исцеловала, обласкала всю её, она — всю меня. Мы, как дельфины, купались, плескались, резвились и играли в волнах неги и любви, пропитавшей всё наше существо. Мы были счастливы и наше счастье было таким же безграничным и всеобъемлющим, как наша дружба и наша любовь.

Под утро мы задремали, обнявшись и прильнув щекой к щеке. Это был не совсем сон, сознание не уплыло, оно лишь растеклось среди чувств и ощущений, лёгких как тени, в нём звучало эхо наших разговоров, наших ласк, всего, что нас связывало. Мы слились в этом полусне-полуяви...

Настало утро. Встречать новый день в постели подруги, чувствуя всей собою её, такую близкую, нежную и родную, было необычно и прекрасно! Видеть, как сладко и спокойно ей сейчас, рядом со мной — самое большое счастье. Увы, такое редкое и краткое! Каждой предстоит снова вернуться в обычную жизнь, и просыпаясь в одиночестве, под нервный звон будильника, с тоской о подруге, родной, единственной, милой, возвращаться в суету дня...

Мы, потягиваясь, лежали рядом, чувствуя себя свежими и выспавшимися, хотя почти всю ночь ласкали друг друга. Я гладила Лиду, едва касаясь кончиками пальцев её тела. Лида блаженствовала... Уже рассвело. За окном по-прежнему падал снег, заполняя небо сплошной белой пеленой...

— Вставай, Аделька, — позвала Лида, — вставай, мы ведь не можем лежать так вечно... Я приготовлю завтрак, мы посидим, попьём чаю... — она грациозно поднялась с постели и протянула мне руку, — и не грусти так, мы ведь ещё не расстались... — сказала Лида, но вид у неё самой был очень грустным в ожидании разлуки...

Я встала вслед за подругой.

— Не торопись одеваться, — попросила она, — нагота тебе очень идёт...

— Тебе тоже.

Одеваться действительно не хотелось, было приятно оставаться друг перед другом нагими, сохраняя атмосферу особой близости, доверительности и свободной красоты.

Лида приготовила простенький завтрак. Мы сели за стол. Мысль о расставании снова навевала бесконечную грусть. Царило тягостное и печальное молчание, которое в конце концов прервала Лида:

— Ты скоро уйдёшь?

— Мне так не хочется уходить... Сегодня воскресенье, и наверное я останусь до вечера, или даже до следующего утра...

Она сидела напротив меня, грустная, поникшая, поджав ноги и умоляюще глядя мне в глаза из-под печально опущенных пушистых ресниц. Мне было очень больно расставаться, и ещё больнее причинять эту боль Лиде. Сердце разрывалось.

— Я знаю, это может быть нелепо, но я прошу, умоляю тебя — останься навсегда со мной. Аделька, любимая моя, хорошая моя, останься, не покидай меня! Я не могу больше жить без тебя после этой ночи. Недели, а может и месяцы разлуки — я знаю, этого не выдержишь ни ты, ни я. Мы будем жить вместе, мы будем вместе всегда, мы будем неразлучны. Только останься, умоляю, останься!

Она потянулась ко мне, встала, села мне на колени, обняла меня и заплакала. И я ответила:

— Я остаюсь.

1995-1997г.

ЦВЕТЫ САПФИЧЕСКОЙ ДРУЖБЫ

Несколько рассказов, написанных в продолжение рассказа «Подруга».

Это – продолжение истории Лиды и Адели, наверное – Лида и Адель сколько-то лет спустя...

Днём и вечером

Всякий раз, когда позволяло время, я приходила на лекции к Лиде, усаживалась в глубине аудитории слушать свою подругу и любоваться ею. Лида читала лекции, как поэтесса стихи.

В своём чёрном платье-футляре длиною чуть выше колен, чёрных колготках и туфлях на высоких шпильках она чем-то напоминала молодую Каас или Матьё, а чем-то даже Пиаф, и, главное, лидин рассказ увлекал, завораживал, приковывал внимание, словно их песни...

Жесты, сдержанные, лаконичные, но своим внутренним напряжением заставлявшие замирать и внимать. Голос, звонкий как ручеёк, совсем девичий, очень живой, мгновеньями пронзительный, оживляющий в своём полёте формулы, выкладки, доказательства теорем, жизнь в которых, казалось, могли бы увидеть лишь избранные, да и то не без труда.

Торжество голоса, жестов и шагов, когда Лида рассказывала об оригинальном ходе, ведущем к доказательству теоремы или к неожиданному результату. Отточенная чёткость слов, фраз и интонаций. Увлечённость, самая искренняя увлечённость, какая только бывает. Вкрапленные в рассказ по-сэй-сэнагоновски изящные, лёгкие, порой ироничные замечания и истории. Каллиграфический почерк и грациозные движения тонких загорелых рук.

Как ещё описать очарование, великолепие и блистательность лидиных лекций...

Группка студентов, обступавших Лиду после лекции с вопросами, и я — обычно в глубине аудитории, наверное, принимаемая другими за рассеянную студентку, что-то потерявшую или зашедшую куда-то не туда... Интересно, догадается ли кто-нибудь о чем-нибудь, если я примелькаюсь к концу семестра?

А вечером, дома, смыв макияж и сменив платье на купальник, Лида превращалась в усталую девочку, растерянную от роли полугуру-полузвезды, прожитой ею днём. Тоненькая как тростинка, изящная как бронзовая статуэтка, нежная как пушистая белочка. Такая миниатюрная, такая раздетая, такая хрупкая, она устраивалась рядом со мной, где бы я ни находилась и что бы ни делала. Лгнула и ластилась почти без слов, влюблённо и умиротворённо смотрела на меня. А я отвечала ей той же лаской, счастливая, что вижу и эту сторону лидиною очарования.

2001 г.

Предутренняя гроза

Раскаты зычного грохота прервали беспокойный сон, вытряхнули из сумбурного сновидения. Было ещё непонятно, что же побеспокоило, разбудило меня, я сонно прислушивалась к шуму ветра и ливня, как вдруг новая молния, близкая, яркая, метнула в комнату вспышку ирреального света. И новый гром не замедлил прореветь-прошипеть ему вдогонку.

Лиды рядом не было. Лишь измятая постель, да листки бумаги на подушке и под погашенной лампой на тумбочке. Предутреннее небо уже начинало светлеть. С новой силой торопливо зашлёпал дождь и порывы ветра занесли в комнату уличную прохладу и всколыхнули занавеску у двери приоткрытого балкона.

Я, уже почти совсем разбуженная, выбралась из-под одеяла, встала, поёжилась под новым дуновением холодноватого и влажного воздуха. Вновь молния метнула в комнату свой пронзительный свет, выхватив из полумрака интерьер комнаты и очертив женский силуэт за балконной занавеской.

Лида. Я вышла к ней. Она стояла на балконе, голая, в одних лишь сабо, вся вытянувшаяся на их каблуках, расправив плечи и водрузив себе на темя сцепленные ладони. Просто стояла, не меняя позы, и глядела — не то в тускло-серое небо, не то вниз, на залитый ливнем двор, и кроны деревьев, терзаемые ветром. Я почувствовала лёгкую, сдерживаемую дрожь, пробегающую по телу подруги ещё прежде, чем коснулась её.

Холодные брызги от бьющихся о балкон капель, дождевики, приносимые ветром, холоднучим и мокрым, колко сыпались на наши голые тела. Лида была вся мокрая. Молния блеснула желтоватой змейкой, прорезав на мновение полумглу небосвода. Я обвила руками лядину талию, желая увлечь подругу с дождя и ветра в дом, в тепло и уют постели.

— Аделька, какая тёплая... — томно шепнула Лида чуть тише дождя, едва я обняла её...

— Замёрзла? — спросила я, прижимаясь теснее.

— Немножко... — шёпот Лиды совсем потонул в раскате грома — ...помечтай со мной...

июль 2002 г.

Следующие три рассказика-хайбун («Июнь», «Стылое озеро» и «Цветы на день рождения») изначально были написаны немного иначе (Их изначальный вариант — на стр. 33-37) . Но написав, я не удержалась от того, чтобы не обогатить этими сюжетами историю Лиды и Адели.

Июнь

Июнь выдался сухим и знойным, заставив нас беспокоиться за дачные насаждения, и зачастить на дачу, чтобы поливать их.

Но в том была и своя прелесть. Растения, обильно политые, под жарким ясным небом бушевали пышной сочной зеленью. Жимолость гнулась под весом ягод, сирень цвела празднично, картофельное поле превращалось в сплошной зелёный ковёр.

Густые заросли малины и большая разлапистая сирень сделали полянку между домиком и забором со всех сторон закрытой от посторонних глаз.

И здесь, на этом островке сокрытости, мы с Лидой, отдыхая от беготни с лейками и шлангами, загорали нагие. Сняв купальники или платья, даже серёжки сняв для сакральной абсолютности наготы, мы обе ложились в густую нежную траву и предавались тягучей сладости лесбийских ласк, болтали, подрёмывали, просто целовались, философствовали, упражнялись в сочинении хайку и ренга. Нежная трава и жаркий ветерок поглаживали голую кожу, добавляя эротической истомы. Жар сияющего солнца соревновался с жаром наших разгорячённых любовью губ, ладоней, тел.

Я лежала, беззаботно и свободно распротёртая в траве, глядя в прозрачную бездонную пустоту ясного неба, улетаю, погружаясь взглядом в бесконечную даль, залитую необычайно яркой и насыщенной синевой, и у меня кружилась голова и захватывало дух...

А Лида вдруг вздохнула, медленно и гибко встала, выпрямилась надо мной, потягиваясь, стройная, загорелая, голая, прелестная. Груды всколыхнулись от движения, волосы — от ветерка, а небо над Лидой сияло всё той же величественной синей бездной.

Нагое изящество лядиной миниатюрной загорелой фигурки, осенённой ярким светом жаркого солнечного дня в невесомой синеве неба было совершенно чарующим. Лида

замерла, в полудвижении-полуостановке, видно, раздумывая о чём-то, а я, в желании продлить любование подругой, протянула руку и поймала её за худенькую лодыжку.

Лида вопросительно и чуточку кокетливо склонила голову, а я произнесла рождённое эту минуту:

— *Ах, до чего красива
Ты в этом платье воздушном
Из июньского неба!*

ноябрь 2002 г.

Стылое озеро

Вечерело. Было не так уж поздно, но ранние сумерки мрачнели и сгущались, красноречивее всего говоря, как глубока осень. Лишь холодный ветер с дождём могли бы потягаться с ними в этом красноречии. Но сейчас они оставались за стёклами трясучего автобуса, как и деревья с редкой жухлой листвой, и лужи, залившие все обочины и тротуары.

Лида сидела у окна, зябко сжавшись и глядя то сквозь забрызганное дождём и грязью стекло, то на свои руки и сумочку на коленях, мёрзнувших в тонких колготках и плохо укрытых коротким плащом.

И я смотрела в сторону окна — вскользь на законный пейзаж, а всё больше на Лиду, на её лицо, хранящее яркость летнего загара, на пушистые чёрные-пречёрные волосы, спадавшие густым каррэ на щёки и лоб из-под чёрной же фетровой шляпки. Порой я ловила лидин поникший после суетного дня взгляд и могла полюбоваться длинными ресницами, пухлыми напряжённо сжатыми губами, и тонким острым носом.

Деревья расступились, открывая вид на озеро близ дороги. Картина стылого озера в осенних сумерках, с пожухлым камышом кое-где по берегам, рябого от ливня, желтеющего множеством опавших листьев, была пронзительна печалью угасания. Промозглая печаль эта была так обречённа, тосклива и неприкаянна, — в унисон нашей нелепой борьбе сегодняшнего дня и лидиной поникшей озяблости, — что сердце моё сжалось в комок, охваченное отзвуком этой печали.

Я рванулась к Лиде, судорожно прижимаясь плечом к её плечу, коленом к колену, обхватила её руки своими, почти дрожа, пряча в глубине себя слёзы. Озеро, чей дальний берег и так терялся в сумраке за плотным дождём, скрылось теперь за деревьями и за поворотом. Лида, тоже проводившая его взглядом, обернулась ко мне. В печальных глазах, изгибе губ и нервной хватке её пальцев, переплетшихся с моими, я прочла то же, что чувствовала сама.

Это было — чувство зыбкости нашего бытия и ледящего одиночества нас двоих в этом мире, но всё же, как хорошо, что всё-таки двоих. И чувство бесценности нас двоих друг для друга, неразрывнейшей связи, чуткого понимания и нежной любви, отчаянно бросающее вызов и зыбкости бытия, и одиночеству...

Поцеловать подругу — я не решилась в тот миг... Но поцелуем прозвучало хайку, навеянное видом озера:

— *В сумерках дождь
Берег стылого озера скрыл
И завтрашний день*

Лидино лицо оживилось лёгкой, хоть и грустноватой улыбкой. Искорки блеснули в поникшем было взоре и она ответила:

— А можно и «пять-семь-пять»¹соблюсти:

*Завесой дождя
Сумерки пруд укрыли
И день грядущий*

ноябрь 2002 г.

Цветы на день рождения

Проводив гостей и сразу погрузившись от мысли, что вот и ещё один год выскользнул из жизни в прошлое, я опустила в кресло с книгой в руках. Адель поцеловала меня и юркнула в спальню.

А я растерянно листала, рассматривала подаренную мне книгу, перебегая взглядом то от её страниц к цветам в вазе, то обратно. Мне подарили роскошный букет. Большие, золотисто-жёлтые тюльпаны были прекрасны, но с печалью и жалостью любовалась я ими. Срезанные цветы, обречённые, что бы я ни делала, повянуть и опасть так скоро, так неминуемо — вот образ и юности и жизни, — думала я.

В комнату лёгким шагом впорхнула Адель, уже раздетая, в ярком зелёном бикини с жёлтым, белым, голубым цветочным узором. Цветущие лоскутки купальника сияли на подруге, загорелой и изящной, оживляя воспоминания и мечты о тёплом солнечном лете, предвкушение и желание любовных ласк.

Аделька подошла ко мне, обняла со словами «любимая... девочка моя!..», ласково скользя рукой по волосам. И я приникла лицом к её обтянутым цветастым шёлком, островерхим, упруго-мягким грудям.

*В день рожденья
Мне милее всего цветы
Твоего бикини.*

ноябрь 2002 г.

¹ «Пять-семь-пять» — правило, требующее, чтобы в первой строчке хайку было 5 слогов, во второй — 7, в третьей — 5. Это правило, практически обязательное для японских хайку, часто не соблюдается в хайку на европейских языках.

Узнала старую подружку?!

По моему плечу вдруг скользнула рука и сбоку прожурчал женский голос, чуточку томный, немного удивлённый, обрадованный:

— Не узнала старую подружку?!

Я обернулась и увидела высокую стройную женщину с чёрными волнистыми волосами, чьи большие глаза, вытянутое лицо и тонкий прямой нос показались мне неясно-знакомыми. Светлая трикотажная кофточка с коротким рукавом и чёрная облегающая мини-юбка были ей весьма к лицу, и даже полноватость бёдер не нарушала её стройности. Туфли — лодочки на шпильках, вопреки моде — довершали элегантность. Любуясь, я начала догадываться, с кем смутно ассоциировалось это аристократичное лицо и если не фигура, то поза.

— Элеонора?.. Эля?.. — спросила я робко.

— Помнишь меня?. — с полувопросом-полуутверждением улыбнулась она.

— А как же не помнить!.. — вздохнула я.

Водоворот воспоминаний захватил меня, закружил, увлёк в далёкое детство. Картины и чувства, уже полузабытые как сны, вспомнились ясно и ярко. Словно рука давней подруги на моем плече воскрешала их. Воспоминания о том, как мы вместе играли, «запускали в космос» наших кукол, мастера им из чего придется корабли и скафандры (дача элиной бабушки была Луной, а наша, с её красной глиной — Марсом), как делились всеми секретами и чувствами, как сидели за одной партой (я была такой замкнутой, а она — такой флегматичной, что нас, двух девчонок, не побоялись посадить рядом), как понимали друг друга с полуслова, с полувзгляда, катались вдвоём не велосипедах по нашему микрорайону и его окрестностям, запускали воздушных змеев...

И казалось, всё было прекрасно. Но лишь казалось, ведь память — странная штука: горести забываются, а счастье вспоминается с полунамёка...

...Наверное, Элеонору отпугнули мои истерики. Она начала избегать меня, а я становилась всё истеричнее и беспокойнее.

Мы уже не общались с Элеонорой в то время, когда я почувствовала, как волнует и очаровывает меня женская красота и женственность, как приятно мне быть красивой и женственной перед своими товарками — для них, и как больно, как несправедливо получать, в ответ на стремление порадовать их собою, порцию сопернического яда или встречать равнодушие.

Элеоноры не было в числе девчонок, чьей дружбы искала я. Может быть оттого, что чувствовала себя слишком обезображенной сценами, свидетельницей которых бывала Элеонора. Может быть боялась укола соперничества от неё — боль его была бы нестерпима. А может просто считала, что тщетны попытки вернуться в прошлое. Элеонорой я лишь любовалась — её стройной фигурой и красивым лицом, грацией неспешных движений и умением доказывать теоремы, не заучивая с учебника, а спокойно рассуждая по ходу дела. Любовалась издалека, с расстояния, которое считала бесконечным — до звёзд и других галактик казалось ближе, чем до неё. И когда мы очутились в разных школах, а потом и вовсе перестали попадаться друг другу на глаза (похоже, Элеонора переехала куда-то) — я восприняла это как должное, как материализацию нашей отдалённости. Вспоминала Элеонору с грустью, но не пыталась искать с ней встречи.

Мои университетские подруги были непохожи на Элеонору. Да и я была уже не та, учась владеть собой, превращаясь со временем из взбалмошной девчонки в сдержанную и даже немножечко солидную учёную даму. Но с каждой из новых подруг рано или поздно роман заканчивался — тихо и грустно, и восторженная нежность сменялась печальным избеганием. Непременно находилось что-то в наших характерах, взглядах и желаниях, делавшее нас чужими несмотря на всё общее, что у нас было. Одну потянуло в религию,

другую — к семейной жизни, третья просто не хотела становиться учёной и не понимала, зачем это нужно мне. Мы становились одиноки рядом друг с дружкой и разбредались в разные стороны. И всякий раз я жалела, что мы встретились уже почти взрослыми, а не выросли вместе, в постоянном взаимовлиянии. И на меня накатывалась тоска по Элеоноре. Ах, если бы та детская дружба не прервалась, а обрела бы развитие и продолжение — в обожании нежной взаимоочарованной привязанности, и наконец, в любви! Объединённые всем ходом нашей жизни, мы могли бы любить друг друга нежно, глубоко и спокойно, как никто другие. Ах, если бы! Но — «что было, то сплыло, того уж не вернёшь»...

И вот — Элеонора, та и не та — напротив меня. Всё те же стройность и флегматичная величавость, спокойный умный взгляд с притаившейся, однако, озорной искоркой в глубине. Как удивительно, запомнив Элеонору ещё девочкой, узнавать её теперь в великолепной женщине, блистательной статной амазонке, представшей передо мной. Я смотрю на неё, как и в пятом-седьмом классе — словно через стекло аквариума. Её голос мелодичен, спокоен, тих и далёк. И лишь рука её на моём голом плече (до чего же кстати я сегодня вышла в декольте!) — тёплая, бережно дотронувшаяся — будто проникла чудом сквозь незримый барьер долгого отдаления и даже зовёт...

Название книги — «Применение теории групп в ...», просвечивая через полупрозрачный местами элеонорин пакет, и в нём же коробка с моделью «Союза» вселяют надежду, что и порознь шли мы в жизни в одну сторону, движимые похожими устремлениями и мечтами. И нас до сих пор влечёт, волнует и интересуется одно и то же, пусть и узнанное независимо друг от друга.

И хочется спросить, как жила Элеонора всё это время, о чём мечтала, кого и что любила и любит сейчас. Но разве задашь такие вопросы так просто, вдруг, едва встретившись после стольких лет.

А Элеонора говорит мне, как странно, приехав в этот город по делам, ходить по улицам своего детства, как странно изменились они, обрастая ларьками, рекламными щитами, новыми домами, всяческими вывесками и магазинами. Совсем изменились... Как странно видеть изменение до неузнаваемости, не обнаруживая в иных местах уже почти ни одной знакомой черты, ни одной памятной приметы. И вдруг увидеть женщину, узнать в ней давнюю подружку, видеть её выросшей, но в сущности всё той же. Странно и прекрасно!

«Да», — улыбаюсь я, и мы, взволнованные, смотрим друг на друга и молчим... Хочется сказать многое и ей, и мне, да не знаем как... Боимся вспугнуть — радость встречи, тепло воспоминаний, просто друг друга. Воспоминания приносят тоску по былой радости, и чем дольше мы стоим друг перед дружкой, тем горше и отчаяннее тоска. Но мы стоим совсем рядом и это рождает надежду. Вот она, грань между «Ах, если бы!..» и «Как здорово, что...». Глухое стекло давнего отдаления — разбить его страшно, разбиться об него страшно! Ну что же, сейчас или никогда!

Шаг навстречу Элеоноре, встаю на цыпочки, тянусь к ней, и — о чудо! — она ко мне! Наши лица, наши губы соприкасаются! Тепло влажных мягких губ и шелковистость локонов, скользнувших по щеке, аромат «Пани Валевской», касание груди через ткань, элина рука скользит по моей шее, сладкая нега бежит по телу и земля уходит из под ног. Мгновение невесомости.

Дрожь так трудно унять. Прохожие — пусть думают, что хотят — не до них. Эля, — что скажешь, как посмотришь?! Страшно открыть глаза. Но открыла и вижу её: счастливая, озорной блеск в глазах, палец у губ, улыбка, как бывало, когда мы секретничали.

— Я тосковала по тебе. — вздохнула я.

— И я по тебе... Очень...

июль 2001 г.

МИНИ-РАССКАЗЫ

СПИ, МОЯ ПРЕЛЕСТЬ

Спи, моя милая. Спи, моя прелесть, моя любовь. Спи, и не горюй ни о чём, ни о чём не печалься. Спи — я с тобой, я рядом. Спи, моя маленькая яркая звёздочка, давняя нежная подружка. Уткнись в мои груди, услышь, как бьётся верное тебе сердце и спи, милая. Я люблю тебя.

1/2.12.1995

ПРОСНУЛАСЬ ГЛУБОКОЙ НОЧЬЮ

Я проснулась глубокой ночью. В нашу спальню заглядывала луна, серебря тебя своим светом. А ты мирно дремала, держа в своей сонной руке мою, и лицо твоё было таким спокойным и добрым... Мерно вздымались и опускались изящные груди, словно звали поцеловать. Я коснулась соска губами, ты вздохнула глубже... Я укрыла тебя одеялом и сама прижалась к тебе теснее.

Как уютно — чувствовать тебя всем телом, лежать в нашей тёплой мягкой постели, и дышать запахом твоих духов в ночи, убаюканной этой луной... И как было бы пусто и смертельно одиноко без тебя, любимая!

Спасибо тебе, что ты есть!

26/27.11.1995

ТОСКА

Тоска — пришла неожиданно, и не уходит, рвёт неприкаянную душу.

Были друзья, была любовь и радость, и фейерверк надежд.

Остались воспоминания... Я вспоминаю... Так больно вспоминать, так хочется вернуться... Но никогда, нет, никогда... Всё ушло, и забыть бы, но это нельзя забыть, ибо как проститься с призраками воспоминаний, в которых живёшь... Которые отзываются острой болью на каждую тень, напомнившую их, и которые дают силы на каждый новый вдох и новый шаг...

И я всё иду здесь куда-то, ведомая болью из «больше нигде».

2.3.1996

КАКАЯ ТИШИНА!..

*Татьяне **

Какая тишина! Я услышала её неожиданно, заметила, обнаружила вдруг, что позади день с его мириадами звуков и дел, с его снующей, разноголосой суетой. Они все ушли вместе со своим днём, и их уже нет... А новый день медлит явиться, он ещё далеко, и придёт не скоро с шумной свитой забот... Он придёт, конечно, — куда ж он денется...

Но только не сейчас — сейчас ночь, темно, тихо, так свободно и спокойно... Сейчас мы одни — ночь и я, и между нами — ничего. Ни звука — я слушаю, очень внимательно и

спокойно, и разглядываю полную темноту — рада её видеть, такую безмятежную.

И я лежу, слушаю тишину, и всё моё существо легко, свободно и невесомо, и так прозрачны и чувства, и разум.

Потом придёт день — и закрутит в своём водовороте, оглушит своим грохотом. Но это — потом, а сейчас не стоит об этом думать.

8/9.3.1996

МЫ ВСПОМИНАЕМ

Мы вспоминаем...

Память растревожила ушедшие чувства и события, словно ветер — ворох опавших листьев. И они кружатся причудливо, складываясь в самые странные сочетания и разлетаясь, чтобы сложиться в новые...

— Ах, милая, милая моя подружка, ты ведь помнишь...

— Помню, любимая... Помню, прелесть моя... — киваешь ты...

Сколько было всего, и ничего не вернёшь... И мир уже другой, чем видели мы когда-то. И пусть что-то меняется к лучшему, но как-то печально и жутковато осознавать необратимость... Как много изменилось, как изменились мы с тобой, оставаясь, однако, такими же нежными и верными друг другу!

Звучит какое-то эхо детства и давних лет... Далёкое, по-своему грустное, негромкое, но ясное эхо... Всё навевает воспоминания и лёгкую светлую грусть. И воспоминания-то всякие — и радостные, и горькие, и одни не отделить от других. И навевает грусть эхо того, что было и что ушло навсегда, далеко и безвозвратно. И, слушая это эхо, хочется обняться, прильнуть друг к другу и тихонько поплакать...

Как странно, милая моя...

25/26.8.1996

ТЫ СЛУШАЕШЬ ОСЕНЬ...

Осень... Жёлтые листья дерева за окном — во всех оттенках грустной желтизны... Они плывут, гонимые ветром в сером небе и серых лужах. И монотонно шепчет дождь о чём-то полузабытом, навевая воспоминания...

А ты замерла у окна, и грустишь о чём-то смутном и неясном — как осеннее небо. Твоё хрупкое загорелое тело — в цвет листьев за окном...

Ты слушаешь шёпот дождя.

Ты нежна, красива, чуть печальна и задумчива — как осень...

31.8/1.9.1996 - 9.2.1997

ХРУПКА И ОДИНОКА

Осеннее утро в тихом безлюдном парке...

Аллея пуста — никого, кроме неё, неспеша шагающей под листопадом. Она не направляется никуда, она бродит без цели, без направления... Хрупка и одинока...

Ей холодно в совсем коротком чёрном платье и тонкой чёрной курточке, полуукрывшей нагие плечи, но оставившей голыми тонкие ноги.

Она смотрит в грустное небо, на серые облака... Смотрит на печально жёлтые листья на земле, вороша их ногами... Лишь стук каблучков её босоножек да редкий шорох ветра в кронах нарушают тишину. Прощальная красота осени созвучна её думам — её мечтам, её печалям, её одиночеству... Озябшая и неприкаянная фигурка на пустой аллее. Озябший и неприкаянный взгляд красивых и нежных глаз...

Едва одета, словно полуоблетевшее осеннее дерево...

Ей холодно, так холодно в этом мире, и что по сравнению с его холодом холод осеннего утра...

6.12.95

УНЕСТИ ТЕБЯ

Я несу тебя на руках.

Сердце сжимается от твоего грустного и усталого вида, и мне хочется унести тебя, милую мою подругу, от всех печалей и тревог, унести далеко-далеко...

Твоё нежное, женственное тело у меня на руках, ты любовно прижалась щекой к моему плечу, смотришь на меня ласково и печально из-под полуопущенных пушистых ресниц...

Я, наверное, счастлива — счастлива дарить тебе нежность, покой и заботу. И ты тоже становишься счастливой у меня на руках...

3/4.2.1997

ЛЕСБИЯНКИ ОЧАРОВАТЕЛЬНЫ

Наверное, самое прекрасное, что только может быть на свете — это беседа двух влюблённых друг в друга женщин. Очарователен нежный, несущий душе свет и уют взгляд лесбиянки на свою возлюбленную, и столь же прелестен взгляд, которым та одаривает подругу в ответ. Их разговор — весел ли, грустен ли, задумчив или игриво беспечен — ласковое соприкосновение душ, звучащее в словах, о чём бы они ни были — что может быть прекраснее! И как красивы все, любые, даже самые мельчайшие, жесты влюблённых подруг, как заботливы и бережны прикосновения — будь то лёгкое касание кончиков пальцев или поцелуй, или исполненные эроса объятия!

И не так уж важно, гуляют ли подруги по безразличному к их счастью городу или по лесу, отзывающемуся на звон каждой струнки их душ, или же дремлют обнявшись в уютной постели, сидят ли за ужином, или покрывая поцелуями тела друг друга, занимаются любовью — они всегда прекрасны, как только может быть прекрасна лесбийская любовь!

9.2.1997

НОЧЬ — ДЛЯ ЛЮБВИ

Мы раздеваемся, и снимая с себя всё, до последнего лоскутка, освобождаемся, откладывая вместе с одеждой в сторону все наши заботы и беспокойства...

На целую ночь. Всего лишь на ночь...

И какова бы ни была круговерть жизни днём, ночь — только для покоя и для Любви.

Ночь — для того, чтобы насладиться красотой, наготой, нежностью и женственностью друг друга, и найти друг в друге мир и покой... И вся Вселенная для меня соберётся в тебе, а для тебя — во мне... И наступят недолгие, хрупкие и мимолётные, но такие счастливые минуты засыпания в ласковых объятиях возлюбленной. И вся потихоньку уходишь в

сладостный сон, погружаясь в осязание подруги, голой, заботливо, доверчиво, нежно и умиротворённо прильнувшей к тебе и исполненной самой звеняще-чистой, звёздной, безмерной, прекрасной любви!

... .2.1997

ЛАСКАЮ ТЕБЯ И ЛЮБУЮСЬ ТОБОЙ

Всю ночь напролёт ласкаю тебя и люблюсь тобой.

Неяркий, отбрасывающий длинные тени свет настольной лампы робко касается нас.

Ты лежишь на постели, обнажённая, миниатюрная, прекрасная. Я — рядом с тобой. Едва дотрагиваясь кончиками пальцев до твоей кожи, нежной словно лепесток цветка орхидеи, я ласкаю всё твоё тело — прелестные руки, лицо, такое родное и милое, чувствительные плечи, острые груди, живот и лобок, стройные тонкие ноги,.. — наслаждаясь красотой твоих форм и нашей близостью.

О, как тебе хорошо! Ты блаженствуешь и, не говоря ни слова, смотришь на меня влюблённо и мечтательно. Нежно и медленно ты гладишь всю меня — голую, совершенно открытую тебе, и благоговейно внимающую твоим ласкам.

... .2.1997

ТОЛЬКО ТЫ ОДНА

Только ты, только ты одна!

Я дрожу в твоих объятьях, жмусь к тебе и дрожу. Ах, любимая, милая, как сжигала меня тоска по тебе, днями, неделями напролёт! Как рвалось к тебе сердце, сдавленное тоской, рвалось на тихий, едва слышный зов твоей затаённой нежной любви. И я знаю, как грустно тебе было, как нехватало меня тебе, как звала ты меня, неслышно шевеля губами, и тихо плакала, обнимая свою тень, и не понимая, что происходит с тобой...

Так не выпускай же меня из своих рук, не выпускай никогда, любимая! Я так хочу остаться твоей навсегда, ведь весь мир для меня — это только ты, подруга моя, только ты одна!

24/25.2.1997

БЕЛОЕ И ЧЁРНОЕ

Белые-белые облака в чёрной воде...

Твое белое-белое тело, чёрные волосы, чёрный купальник...

В чёрных беспокойных глазах — и нежность любви, и тревога.

Прохладный ветер гонит облака, поднимает рябь на воде и порой швыряет в неё начинающие желтеть листья.

А мы стоим молча — две полунагие хрупкие девушки-лесбиянки, держимся за руки...

... .3.1997

ТВОЙ ТЁПЛЫЙ СВЕТ

Небо мглистое, солнца не видно за сплошной белой мутью снегопада... За окнами мириады снежинок плывут, плывут, плывут и плывут... Стылое, сонное марево. Тишина, неподвижность, белизна туманная...

В дом веет сумерками, неся дремоту, усталую тоску и сонную, скучную лень... Вязкий, мутный, всепроникающий, всезастеляющий полусумрак...

Но ты, лишь ты, прелестная, способна разогнать, рассеять его, пронизывая всё вокруг своим сиянием.

Почти обнажённая, в красном купальнике, подчёркивающим все прелести миниатюрной фигурки, загорелая, черноволосая — вся яркая, юркая, тёплая, живая, женственная. Огонь во взгляде чёрных глаз!.. Чарующая игра движений гибкого, грациозного тела... Твой нежный голос, стук каблучков твоих босоножек оживляют тишину...

Всё вокруг озаряешь, согреваешь, расцветиваешь ты собою — своей очаровательной живостью, красотой, тёплым светом лесбийского эроса в каждом жесте, позе и взгляде. И исчезает, рассеивается тусклое марево, стóит тебе появиться.

Я очарована тобой и влюблена в тебя! А белая сумрачная муть, залившая за окнами целый мир, не властна над нашим домом!..

4.1.1998 (и 6.3.2003)

ДОЖДЬ

Сон, снившийся после расставания

На душе тоскливо и пусто.

Льёт и льёт дождь... Небо серое, сумрачное, зимнее... Холодно. Всюду вода — в небе, на теле, под ногами... Небо — как губка и город как губка...

Широкая улица, мощёная чёрным камнем. Старинные, охряного цвета, четырёхэтажные дома, через проулки или арки видны утопающие в желтизне дворы. Потоки воды из водосточных труб...

Так мало женщин на улице. И даже машин мало. Редкие прохожие кутаются в плащи...

И куда я бреду, и зачем?

Как же всё, абсолютно всё без исключения теряет смысл, когда оказывается, что не нужна своей подруге больше. Всё, что ты делаешь, всё, что ты есть — вся ты, вся твоя жизнь посвящены возлюбленной — но они ей уже не нужны... И становится совершенно непонятно — чего хотеть, куда идти, о чём мечтать. И не знаешь, как быть с собой — сама становишься для себя чем-то странным и непонятным, с которым надо что-то делать, ведь нельзя же не делать совсем ничего.

Эх, если б можно было! Но жжёт прошлое, жгут воспоминания — нет ничего больнее, чем вспомнить счастливые моменты нашей любви, сознавая, что они в прошлом и не повторятся. А ведь они были так прекрасны, что отвергаешь даже тень мысли о том, чтобы искать чего-нибудь вместо них. И знать ничего не желаешь кроме их продолжения. Но его не будет — ведь она, подруга, нашла им замену и выбросила из жизни ставший ненужным кусок... Да, а был ли он ей хоть когда-нибудь нужен? Был наверное... Был. Но от этого сейчас ничуть не легче... Ведь вся я — без остатка! — осталась в тех счастливых, полных упоения любовью днях. А теперь от меня осталось пустое и очень неуютное место...

1998-2000

КРУЖЕНИЕ

Мы танцуем под пиафовскую «Un refrain courait dans la rue»². Тебе было грустно и тревожно, и неясные страхи делали твой взгляд мятущимся и беспокойным. А я не могла найти слов, чтобы развеять тревогу, успокоить тебя... Ибо сама не находила причин не тревожиться. Мне оставалось лишь подхватить тебя под руки, и увлечь, следуя мелодии, и закружить. И вот, мы кружимся, сблизившись так тесно, чтобы соприкасались наши груди, ты тихонько подпеваешь Пиаф, сама такая же миниатюрная и хрупкая...

24/25.11.1999

УТЕШИТЕЛЬНИЦА

Я вижу этот сон не впервые.

Я вижу его всякий раз, когда после кошмарного, бешеного, нервотрёпного дня долго не могу успокоиться и заснуть, но наконец засыпаю...

Это пустой двор между белых высоких зданий или набережная широкой реки. День светел, ясен, но не ярок, воздух свеж, не холоден и не тёпл. Две стройных девушки бегут, кружась и танцуя, звонко стуча каблучками, не говоря ни слова. Ловят друг друга за руки, обнимаются, льнут друг к другу, наслаждаясь близостью лиц, соприкосновениями тел, живых, женственных, почти не разделённых тонким светлым шёлком платьев, и одаривают друг друга нежными поцелуями.

Две юных, изящных лесбиянки...

Одна из них ты, вторая я. Я знаю тебя всю жизнь, и всю жизнь люблю. Тебя, Утешительница, моя сестра, моё отражение, моя вечная невеста...

9/10.12.1999

РИСУЕШЬ ГРАФИКИ ШПИЛЬКОЙ

Мы с тобой ждали автобуса, сидя на скамейке. Ты была вся погружена в мысли о своих уравнениях, и стала выводить на пыльной земле острым каблучком своей туфельки что-то вроде их фазового портрета³. Далеко лезть за ручкой и бумагой, что ж делать...

Смотрю пристально — и на график, выходящий из-под твоей шпильки, и на твои тонкие ноги в чёрных чулках сеточкой и алых блестящих туфлях. Какое двуединое очарование! Любуюсь, как легко и живо превращаешь ты скупые формулы в изысканный узор фазового портрета, понятный и зримый, зачарованная стройной женственностью и грацией твоих ног.

6/7.3.2000

ТАК ЧТО ЖЕ ИХ СВЯЗЫВАЕТ?

Любуюсь двумя девушками на трамвайной остановке. Совсем юные, стройные, тонконогие, очаровательные, обнявшись, они шепчутся о чём-то. Весенний ветер треплет полы их коротких плащей, сплетает золотистые волосы одной с тёмно-русыми волосами

2 «Un refrain courait dans la rue» — «Летел по улице припев» — песня из репертуара Эдит Пиаф.

3 Построение фазового портрета — способ графического изображения поведения системы дифференциальных уравнений (т.е. уравнений, связывающих скорости изменения неких величин с самими этими величинами).

другой и заставляет обеих придерживать шляпы.

Подходит трамвай, в который они садятся. Я следую за ними. Златоволосая усаживает подружку себе на колени. Как рада была бы я оказаться на месте любой из них!

Стоя поодаль, смотрю на них, и гадаю, что же их всё-таки связывает. Приятельство, которое превратится в полную яда вражду, стóит лишь парню оказаться меж ними, или увлечение друг дружкой, или любовь, уже соединившая их навсегда?

Мне было бы больно думать, что первое, и радостно — что последнее...

Так всё же, что их связывает?

24.3.2000

КААС, ЗИМА 1991

Помню зиму 1991 года. Ожидание скорых реформ, дохлое отопление, собачий холод в квартире, концерт Патрисии Каас вечером по телевидению. Кутаясь в пальто и шаль, смотрю на её голые плечи, ноги в тонких колготках. Она столь раздета, что можно дрожать от холода, глядя на неё. Но не от холода я дрожу ...

11.4-24.8.2000

ПОЛЁТ ПИНГВИНА

Звёзды на тёмном небе, как на консоли Линукса...⁴ Загадочные, аскетичные, многообещающие... Таят и сулят многое...

8.4-20.5.2000

ПЫЛИНКИ, ПУШИНКИ, ПАУТИНКИ

Всё так зыбко, моя милая, так хрупко, непрочно! Наша любовь, наша жизнь, весь наш с тобой уютный и нежный мир. Пылинки, пушинки, паутинки... Ажурное кружево из тончайших нитей на ветру, в дождь и град — того и гляди ничего от него не останется.

А мы сплетаем воедино это кружево наших жизней и любовей с таким вдохновением, будто делаем это на целую вечность. Но как недолговечна красота нашего творения! И знаем ведь, как легко оно может быть порвано, сметено, уничтожено, но надеемся лишь, что сплетённые воедино, кружева наших жизней стали хоть чуточку прочнее.

Как всё зыбко, моя милая!

30.04.2000

⁴ Эмблемой операционной системы Linux является пингвин. Консоль — в данном случае, применительно к обычному персональному компьютеру, — просто монитор (с клавиатурой).

ТЕМ, КОГО Я ЛЮБЛЮ

Как хочется быть зелёной лягушкой, нежной, ласковой, трепетной, маленькой, слабой. Доверчиво сидеть на ваших ладонях, смотреть на вас огромными распахнутыми глазами. Найти покой и умиротворение в ваших руках, согреться вашим теплом и заквакать.

Как хочется быть атэанской ведьмой, нежной, ласковой, женственной, грациозной, могущественной и величественной. Обнять вас, укутать в нежность своей мысли, отвести ею от вас все печали и тревоги, коснуться щекой щеки и тихо петь песню о ветре и звездном небе...

Как хочется, мои милые!..

... 2000

ПОГЛАДЬ МЕНЯ

Погладь меня, моя милая. Мне так тоскливо и одиноко сейчас! Дотронься до меня, чтобы я почувствовала, что ты рядом, нежная и внимательная. Проведи своей рукой по моим плечам, коснись моего лица, позволь поцеловать твою женственную руку, дай ощутить тебя, твоё присутствие и ласку, удостовериться, что ты здесь, рядом, что ты на самом деле есть, что я тебя не придумала...

20.5.2000

ТЫ И ЛЯГУШКА

Какая редкость — девушки, не боящиеся лягушек! Но ты-то, моя амазонка, моя эмансипантка, конечно, из их числа. Сидишь и любишь лягушкой, скакнувшей тебе на ногу. Замерла, стараясь не вспугнуть её. Сама не неё чем-то похожа — своим большим ртом, маленькой чуть-чуть полноватой фигуркой. Очки делают тебя пучеглазой, да ещё и купальник на тебе зелёный...

... 6.2000

УТКНУТЬСЯ И ЗАМЕРЕТЬ

Уткнуться в тебя лицом и замереть, с сердцем, сжавшимся в комок от желания то ли петь, то ли плакать. Обнять тебя, прильнуть к тебе, затаив дыхание, в тщетной надежде, что и время тоже замрёт и затаится, оставляя меня рядом с тобой, наедине с тобой, моя нежная, ласковая, давняя-предавняя подруга.

21.8.2000

СТОРОНЫ

По одну сторону окна — ночь и дождь. По другую — шторы, свет, ожидание. Одну сторону хлещут мокрые ветки и ветер. На другой растерянно замерли мои руки. Смотрю в ночь, сквозь окно — вижу своё отражение...

05.9.2000

УЮТ БЛИЗОСТИ

О, эти вечера наедине с тобой! Обычно, после ужина ты устраиваешься на диване с книгой в руках и просиживаешь за чтением допоздна. Книгой твоей может быть то «Ландафшиц»⁵ или что-то в этом же духе, то роман, то сборник стихов, а то философская или историческая работа. Совсем голая (как и я), ты полулежишь, сидишь по-турецки или закинув ногу на ногу. На твоём лице иногда играет полуулыбка, означающая озадаченность, недоумение или особенный интерес.

Но за своим занятием ты не забываешь и обо мне. Порой читаешь вслух то, что находишь интересным для меня, или комментируешь это. Иной раз заводишь разговор о чём-нибудь совсем неожиданном. Иногда, натолкнувшись на одиозное ландафшицево «легко находим, что...», просишь моего совета и помощи. А порой я ловлю на себе твой взгляд, оторвавшийся от книги. Или же, когда я рядом, ты проводишь рукой по моему телу, зарываешься ею в мои волосы...

Ты так желанна и хороша — всё твоё тело, загорелое, тёплое, мягкое, живое — налитые груди, чуть полноватые ноги, рыжие вьющиеся волосы, обрамляющие лицо, круглые плечи. Нагота — твоя и моя — преобразует тебя. Ты спокойна и свободна, легка и непринуждённа во всём — в позах, движениях, жестах, интонациях, словах. Мы обе близки и доступны друг дружке — и чувствам, и поцелуям, прикосновениям, взглядам. Наша с тобой первозданность и открытость навеивает безмятежный, милый, тёплый уют. Уют близости, предвкушения любовной ночи, и давней дружбы...

11-12.11.2000

ПУСТОТА

Небо в облачную ночь

Лес зимой, когда в нём — ни души и ни ветерка

Молчание

Специальный файл null в каталоге /dev⁶

Зеркало в ночной квартире

То, что видишь, когда уткнёшься в подушку или закроешь лицо руками

То, о чём думаешь в моменты безнадёжности и разочарования.

18.11.2000

ВЫПОРХНУТЬ В КУПАЛЬНИКЕ

Приятно войти с мороза в тёплый дом, и скинуть с себя все бесчисленные зимние одежды. Освободившись от их тяжести, облачиться в тонкий яркий купальник, оттеняя свою наготу его маленькими лоскутками и тугими бретельками, завязанными аккуратными бантами. Надеть босоножки на высоких шпильках, оплетающие ноги парой-тройкой тонких ремешков. Покрутиться у зеркала, поправляя купальник и причёсываясь, давая телу насладиться теплом и свободой. И почти-почти-совсем голенькой выпорхнуть к тебе, моя милая...

27/28.11.95 - 27.12.2000

⁵ Ландафшиц — жаргонное название Курса теоретической физики Л.Д.Ландау и Е.М.Лифшица.

⁶ Файл-устройство /dev/null — «чёрная дыра» в UNIX'e: всё, что туда пишется — исчезает, при чтении оттуда всегда оказывается, что прочитано 0 байт.

ТАМ, ВО СНЕ

Мне приснилось, что я ухаживаю за девушкой. Или, может быть, она ухаживает за мной. Не то, чтобы она была ослепительно красива, скорее почти обыкновенна, но недурна собой, а главное — умна и внимательна. Что-то в ней было такое, что хотелось уткнуться в неё, ища в её обществе покоя и уюта, и в то же время хотелось обнять её, обласкать, приютить, успокоить в своих объятиях, рядом с собой... Мы бродили по городу, знакомому и незнакомому, ища укромное место, где могли бы объясниться друг с другом в самом важном, самом сокровенном, а пока всё откладывая и откладывая этот разговор.

А проснувшись, я долго грустила, что так и не успела там, во сне, признаться ей в любви.

2.5.2000 - 27/28.12.2000

ТЫ ПОЁШЬ ПЕСНИ ПИАФ

С изумлением и замиранием слушаю тебя, поющую песни Пиаф. Ты поёшь их, когда взволнована, встревожена, огорчена. Или — когда мы с тобой танцуем на празднике, устроенном нами двоими, для нас же с тобою двоих. А иногда, набивая бесконечную череду ассемблерных команд, тихо напеваешь «Fais-moi valser»⁷ или что-то похожее. Ни голосом, ни лицом, ни судьбою на Пиаф ничуть не похожа, лишь только маленьким ростом да чёрным платьем.

Твой голос, лёгкий, чистый, звонкий, как прозрачный ручеёк, порой становится пронзительным, впивается глубоко в душу, в сердце. Твой акцент нескрываемо-заметен, но слова понятны, и мелодия звучит безупречно. И голос, переплетающий твои чувства и настроение с сюжетом и настроением песни, переплетает их и с моими. Я слушаю тебя — неотрывно, пристально, зачарованно... Ещё зачарованнее, наверное, чем внимала бы самой Пиаф...

7.1.2001

ГОЛАЯ И ЗАСПАННАЯ

...Наконец-то ты смогла вдоволь выспаться.

И вот, сидишь на кровати голая и заспанная. Волосы растрёпаны, глаза едва открыты. Давно взошедшее солнце пробивается сквозь шторы, суля день, полный успехов и грандиозных дел... А ты разминаешь затёкшую руку, ищешь ногами под кроватью свои сабо и глядишь на меня сонно, с самым беспомощным видом...

21.1.2001

ИДУ РЯДОМ С ТОБОЙ

Иду по улице вместе с тобой.

Как хорошо вот так идти рядом, попадая в ритм твоих шагов, любоваться твоей фигуркой в тёмном коротком платьице, тонкими ногами в блестящих золотистых чулках, упругой походкой, слушать перестук каблучков твоих босоножек и твой звонкий голос, твою неторопливую задумчивую речь, вдыхать аромат твоих духов и наслаждаться прикосновением твоих пушистых волос к моему голому плечу, хотеть тебя... Разговаривать с тобой, заглядывая в твои карие глаза, выразительные, умные, немного грустные, любящие.

⁷ «Fais-moi valser» — «Заставь меня танцевать вальс» — песня из репертуара Эдит Пиаф.

Держаться за твою нежную руку, как за путеводную ниточку в сумбурном движении странного, нелепого и страшного порой лабиринта людей, событий и отношений, и становиться спокойнее и увереннее от того, что сама служишь такой ниточкой тебе.

Хоть и жизнь вокруг, и город, и люди непонятны, неродны и чужды настолько, что чувствую себя иностранкой, даже инопланетянкой, но рядом ты — родной мирок, маленькая и хрупкая Вселенная, ласковая, понятная и понимающая... Единственная.

23.1.2001

ПИРОГИ

Мы печём пироги. Первый противень уже в духовке, и запах печёного теста и грибов наполняет нашу квартиру. Золотистые шторы скрывают тьму позднеосенней ночи за окном. Печка пышет ароматным жаром, превращая кухню в подобие бани. Мне приятно сидеть абсолютно голой в её жарком воздухе. Я долепливаю пироги (осталось не так уж много), заполняя последний противень, и люблюсь тобой. А ты, в одних лишь сабо и безо всякой одежды снуёшь по кухне, подобно резвой белочке, наслаждаясь своей наготой и моим вниманием. Складываешь в раковину и моешь посуду из-под начинки и теста. Порой просто расхаживаешь по кухне, повиливая бёдрами, стуча тонкими каблучками, и время от времени касаясь меня своим телом как будто бы невзначай.

Мы беседуем. Ты и рассудительна и восторженна. Говоришь о том, что счастлива, что не представляешь ничего уютнее этих вечеров наедине со мной, что самые рутинные дела обрели шарм и прелесть, наполнившись бесчисленным множеством жестов взаимной заботы и эротической игрой и что *именно эта забота, эти жесты и эта игра и есть любовь в повседневности*. А я — я даже не знаю, что сказать... Говорю, что ты очень красиво двигаешься, и нагая в свободном движении особенно мила, что мне очень-очень хорошо с тобой, так уютно, так спокойно, так сладко, так тепло...

И вот уже посуда вымыта и ты помогаешь мне доделать последние пироги. Твои руки проворно лепят их. Кончик носа забавно вымазан мукой. Сидишь напротив меня, закинув ногу на ногу — загорелая, восхитительно голая, прелестная, нестерпимо желанная — средоточие и жара, и уюта.

28.1.2001

ПРИЗРАЧНОЕ УКРЫТИЕ

Кто-то обидел тебя...

Даже если ты смогла дать отпор обидчику, боль и огорчение остаются надолго. И сильнее всего на свете хочется остаться наедине со мной, уткнуться в меня и поплакать. Но как мало я могу, такая же уязвимая, как и ты... Закрыть собой от обид и боли — до чего же призрачное и непрочное укрытие... Обнять, приласкать, убаюкать тебя, плачущую или просто печальную... И ты затихнешь и уснёшь — до нового дня, до новых ран...

30/31.1.2001

СВЕТ НЕДНЕВНОЙ

Светло-то как!

Странное время суток. Свет, такой не похожий на дневной, пробивается сквозь шторы. В бледноватом свете различимо твоё лицо на подушке, книги на тумбочке, мебель спальни вокруг.

Неужели ночь — но до чего же ирреален свет её.

Я выбралась из-под одеяла, удивлённая, подошла к окну и выглянула из-за шторы. А за окном — там просто полная луна сияет всюю и свежевывающий снег белеет в её сиянии.

10.3.2001

ВЕЧЕР

Устроиться рядом с тобой на диване. Склониться к тебе, прилечь, сняв очки, прилечь лицом к твоим бёдрам. Чувствовать нежность твоего тела через тонкую ткань колготок, бархат краешка юбки. Глядеть в полумрак комнаты, видя лишь жёлтое пламя свеч, облачками длинных искорок переливающееся и туманящееся поодаль, да зелёный огонёк проигрывателя, расплывшийся лучистым кругом в моём близоруком взгляде. Внимать голосу Веры Матвеевой, пронзительному и беспокойному, и умиротворённой ласке твоих рук, перебирающих мои волосы, медленно скользящих по лицу и шее.

Вспоминать, мечтать или грустить — вместе с тобой. Заплакать, будучи не в силах иначе выразить свою нежность к тебе или просто задремать, уткнувшись в тебя.

25/26.4.2001

НОЧНАЯ ГРОЗА

Шебуршится беспокойный ветер, дождь шелестит, монотонный, бесстрастный. Молнии — яркие, резкие, на половину неба. Выскакивают из темноты, хулиганисто выплёскивая в комнату свой ирреальный свет. Раскаты грома режут им вдогонку бессильными напыщенным угрозами.

Но ты их не видишь и не слышишь — ты спишь. А я смотрю на твоё лицо, такое знакомое и привычное. Как странно оно во вспышках молний — как бело, как резки тени. Твои размётанные по подушке кудри (любимые, рыжие, мягкие) то ли черны, то ли пепельны — не рассмотреть ни цвета, ни формы. Но вернувшаяся темнота вновь делает тебя тобою, теперь невидимую, но осязаемую — тёплую, мягкую, живую. И я глажу тебя и льну к тебе.

Спи, спи, моя хорошая.

21/22.6.2001

ЗОВ НОЧИ

Летняя ночь. Прохлада из открытого окна. Звуки таинственно-зовущие.

Порывы ветра — шуршат, шипят листьями, то тише, то громче, то встревоженно, то сонно, то смолкают... Приглушённые расстоянием гудок и стук колёс уносящегося в ночь поезда. И хочется лететь через поля и города, сквозь пространство легко и беспреградно — вместе с поездом, вместе с ветром...

Шаги в доме — тихие, твои. Не спишь — подкралась ко мне, обняла за плечи. Мечтаем...

28/29.6.2001

ТЁПЛЫЕ ЦВЕТА

Зелёная трава
Жёлтые одуванчики
Оранжево-чёрная бабочка
Охряное одеяло
Бежевые платья — сброшены в траву
Красные лоскутки бикини
Ты — светлая бронза загара
Рыжие волосы
Золотые серёжки
Алые губы
Карие глаза

3.7.2001

НОЧЬ ТРИУМФА

Эта ночь — ночь моего триумфа. Странновато говорить себе подобные слова, но по всей видимости так и есть. Я решила систему дифур⁸, которую мурыжила ещё с третьего курса. Пускай лишь приближённо и не в первый раз, но наконец-то это результат, которым можно пользоваться! Впервые решение лаконичное и ясное, без необозримо-громоздких выражений для входящих в него констант или функций, и даже все формулы записались в одну строчку!

Как удивительно после более чем замысловатых выкладок, что результат столь прост и краток — смотрю и не нарадуюсь. Но лёгкий страх обнаружить ошибку примешивается к восторгу. Хотя бояться вроде бы и нечего, когда мой результат согласуется со всем, что я получала ранее — это согласие надёжнее всяких перепроверок. Так значит, триумф?!

И впору бы примчаться к тебе с радостными возгласами, показать восторженно своё решение, зажечь свечи и одеть наши лучшие платья, танцевать и петь, торжествуя, устроить маленький бал для нас с тобою двоих.

Но сейчас глубокая ночь, и ты спишь — свернулась калачиком на полупустой кровати, полуукрытая одеялом, полуосвещённая настольной лампой. А я сижу в пол-оборота к столу, заваленному бумагами, в пол-оборота к кровати, поглядываю то на тебя, то на свои формулы, собираясь просто снять свой домашний купальник, попить на кухне чаю и вытянуться в постели подле тебя.

12/13.7.2001

ХОТЬ ШАЛЬ НАКИНУ

Ты выбралась из постели, когда я уже почти заснула. Голая, стоишь у стола, рассматривая задумчиво свои бумаги во вкрадчивом свете лампы.

Что ж, вылезу и я — хоть шаль на тебя накину. А может и подскажу чего...

5/6.9.2001

8 Дифуры — дифференциальные уравнения (физико-математический жаргон).

НАД ЛЬЮЩЕЙСЯ ВОДОЙ

Раздетая догола, ты сидишь на краю ванны, смотришь, как она наполняется. Почти неподвижна, задумчива и рассеяна, погружена в себя и в созерцание и трогательно-мила. До чего же легка, безмятежна, незамутима красота твоей беззаботной обнажённости. Подобно красоте озёрной глади на тихом тёплом закате, она очаровывает и манит — нежно, ласково и неодолимо в своё бестревожное, бессуетное умиротворение. Так хочется открыть ей всю себя, проникнуться ею без остатка, соединиться с нею всем своим существом, стать её частью, стать ею. И мне остаётся лишь освободиться от одежды, распустить волосы, пристроиться рядом с тобою, чтобы кротко и вкрадчиво ласкать тебя, замершую, медитируя над льющейся водой.

7-14.9.2001

ПОЙМАТЬ МЫСЛЬ

О, как прелестна ты, ухватившая вдруг свою мысль, мысль из числа тех, что долго крутятся где-то рядом, вокруг нас с тобою, не даваясь ясному формулированию, ускользая сквозь частое сито многословных бесед. И вот вдруг ты спешишь записать — одну-две-три строчки — на первом подходящем листке, или в спешно запущенном редакторе. Быстро бежит ручка по бумаге, оставляя след мелких торопливых букв. Или, по мановению порхающих над клавиатурой женственных рук ряды звездочек-букв вспыхивают в черном небе консоли. Твой жест, останавливающий, придерживающий всё, обращенное к тебе — замирающий взмах раскрытой ладони, — «постой, минуточку, секундочку, сейчас!..» Вся ты, в своём упругом, напряжённом стремлении броска за ускользающей мыслью — что может быть очаровательнее!

16/17.10.2001

ТО, ЧТО ВСЕЛЯЕТ СМУТНУЮ НАДЕЖДУ

Проникшее сквозь платье дуновение тёплого ветерка в разгар летнего зноя.

Вид луны рано утром высоко в небе.

Взлетающий самолёт. Впрочем, садящийся — ничуть не меньше.

Новая книга.

Ночная прохлада — если выйти на балкон глубокой ночью, когда на улице безлюдно и тихо.

Пышные горы белых кучевых облаков, висящие в прозрачной бездонной синеве неба.

...7-1.11.2001

ДВОЕ ПОД ОДНИМ ЗОНТОМ

Наши пальцы сплелись на ручке зонта и ветер осыпал моё лицо твоими волосами, рыжими, волнистыми, нежными. Я вдохнула аромат твоих духов, смешанный с запахом предосеннего дождя, приникла лицом к твоей голове. Укрытая от чужих взглядов развевающимися волосами, поцеловала тебя за ушком. Ты вздрогнула, сжала мою руку, ничего не сказала. Молчаливая и печальная, любимая.

24.7.2002

НОЧЬ, ПОМОГИ!..

Ночь, тихая, грустная, укрой меня своим одеялом темноты и тишины. Мне холодно и больно, ночь, помоги мне... Если можешь... Укутай меня в темноту и покой, укутай в сон — может быть в них отчаяние утратит свою нестерпимость, притупится безнадежность о ватную глухую дрему...

Помоги мне, ночь, помоги!... Если сможешь...

30/31.5.2002

ТО, ЧТО ВЫГЛЯДИТ ВЕСЬМА ВНУШИТЕЛЬНО

Невольное подражание Сэй-Сёнагон...

Мордочка крысы, сфотографированная с близкого расстояния. Корова.

Решение уравнения, с которым было много возни — даже если в результате получается очень простая формула. Пожалуй даже, тем внушительнее, чем она проще.

Платье а-ля Мэри Поппинс — оно добавит внушительности кому угодно, может быть, правда, кому угодно, кроме меня...

Ан-12, Ан-22 — внушительны и на фотографии, и высоко в небе, и в виде модели любого масштаба, не говоря уж об увиденных живьем вблизи. Странно, что другие самолеты, даже бóльшие, не производят впечатления столь сильной внушительности. Из вертолетов — лишь Ми-26. А дирижабль, должно быть, ни один не произвел бы внушительного впечатления, как бы велик ни был.

Приглашение в командной строке⁹ [root@localhost root]# — уж само собой!..

20.2.2002

СПЛЮ С ТОБОЙ

«Сплю с тобой»... Какая банальная фраза, избитое и затёртое выражение для любовной связи... Но до чего же глубокое и точное!

Ведь даже ни посвящённость в сокровенные тайны друг друга, ни нагота, ни блуждание ласкающих рук, забирающихся в самые интимные уголки тела, — ничто это не сравнится с засыпанием, пробуждением, дремой в объятиях возлюбленной.

Когда, от близости сна, сознание и чувства делаются мягки и текучи, словно воск от близкого жара, — растекаться, сливаться плавучим воском, текучим невесомым облаком в нежности любимой-подруги, ласкаемой и растекающейся в моей ласке... Что может быть лучшим выражением любви, чем это взаиморастворение!..

8.12.2002

⁹ [root@localhost root]# — Примерно так может выглядеть в ОС семейства UNIX приглашение к вводу команд root'a, т.е. всемогущего пользователя (администратора).

САМЫЕ МИЛЫЕ ЖЕСТЫ

Когда налетает ветер, грозя унести шляпу с твоей головы, твоя рука взлетает к ней мягко, летуче и невесомо, словно порывом ветра и поднятая, лёгкая, как ленты летней шляпы. Движение грациозной, плавной и быстрой волной пробегает не то от тонких пальцев к хрупкому плечу, не то от плеча к ладони и пальцам... Дуновение женственности...

Когда в дождь ты забираешься под мой зонт — своего-то не носишь — о, с какой чуткой нежностью ты льнёшь ко мне, пристраиваешься совсем-совсем-совсем рядышком, обвивчато и гибко обнимаешь меня одной рукой, берясь другой за ручку зонта поверх моих пальцев!.. И ведь умещаемся обе под нашей маленькой тонкой крышей, совершенно достаточной, как оказывается, для двоих!

Когда в глубокой задумчивости ты балансируешь на своих каблуках, сцепив на темени руки, чуть запрокинув голову — сколько изящества и грации в чуткой неподвижности твоей фигурки, замершей в тончайшем зыбком равновесии. Лишь сведённые напряжённые тонкие ноги неуловимо подрагивают, и стан твой нет-нет да чуть качнётся-шелохнётся подобно ветке в безветрие, не давая ускользнуть задумчивому ускользящему покою с острия тоненьких высоких каблуков.

Как мило, что обращаясь ко мне, тебе непременно надо дотронуться до меня. Коснуться руки, плеча, колена, легонько подёргать за рукав или краешек юбки. Но особенно очаровательна эта твоя манера дома, когда ты нежно, упруго и настойчиво тянешь меня за ленточку купальника на моей голой спине, томно, нараспев произнося моё имя...

Когда ты читаешь или пишешь, лёжа на животе, опираясь на локти и болтая в воздухе ногами, ты грациозна, нежна и юна. Особенно юной делает тебя сочетание ярко-красного бикини с белыми гольфами и красными босоножками, верно, напоминая о давнем счастливом лете, когда мы вот так лежали вдвоём в тени смородин, читая книги, болтая, упоённые радостью знакомства с наукой и лесбийской любовью.

Ты совершенно очаровательна, когда раздевшись догола перед сном, ванной, загоранием в укромном уголке сада или нашими любовными утехами, и отложив самую последнюю снятую с себя вещицу, несколькими грациозными па пробуешь ощущение абсолютности своей наготы, освобождения и нежной открытости ставшего совсем обнажённым тела. Ты делаешь несколько шагов, очень плавно и медленно вынося, вытягивая одну ногу прямо перед другой и мягко ступая, немного отводя в стороны руки, выгнув кверху напряжённые ладони и пальцы. Худенькие голые расправленные плечи откинута назад в упругом потягивании, а чуткие груди подрагивают легонько при каждом шаге. Замрёшь, чуть улыбнёшься, шагнёшь ещё, переливаясь и резвостью, и истомой.

Когда обнажённая ты накидываешь на плечи свою любимую шаль — сетчатую, с крупной ячейкой и длинными пушистыми кисточками по краям — и кутаешься в неё, ты выглядишь так зябко и печально, что от нежности к тебе наворачиваются на глаза слёзы. Скрещённые руки — ладони сжимают локти, плечи, удерживая шаль, укутывая голое тело в эфемерную ткань. Ах, как трогательно нежны мягкие груди, приподнятые твоими руками — пусти меня к ним пореветь...

Во сне — утянешь к себе мою сонную руку,строишь себе под щёку и мою ладонь, и свою... А спросонья, отлежав обе ладошки, не можешь разобрать, какая из них моя, какая твоя!.. И я не могу. Но как это мило — касаться лицом двух соединённых рук, совсем не различая, где своя, а где — любимой!..

8-18.3.2003

ОТЧАЯННО-ЖГУЧАЯ НЕЖНОСТЬ

Нахлынет, охватит вдруг — до невозможности жгучее чувство, когда хочется ласкаться с тобою, ластиться, льнуть, прикинуть к тебе и уткнуться в твою бережную нежность. Растечься по тебе, плавясь от нежности и ласки, истекая обожанием и слезами. Дрожать и плакать от пронзительно-острого, пробравшего до костей чувства любви и нашей единственности друг для друга.

Сжимается и замирает сдавленное тугим сухим комом сердце, а слова любви, мольбы о ласке, благодарности за неё и твою нежную близость проливаются стоном и сладостными слезами в твои руки, на твои груди, на твои женственные нагие плечи...

Нет на свете ничего сильнее, пронзительнее и отчаяннее этого порыва! И как он упоительно прекрасен, драгоценен, заставший нас наедине! Но до чего же не по себе становится, когда он подкатывает ко мне, оказавшейся в одиночестве или среди чужих людей!..

7-9.4.2003

ДОМОЙ

Серые сумерки, серый снег под ногами, желтоватый свет фар встречных машин. Дорога домой кажется долгой-долгой. Стволы тополей сменяют друг друга один за другим. Изредка кто-то идёт навстречу, изредка кто-то обгоняет нас.

Усталость не оставила сил ни строить планы на завтра, ни разговаривать. Я слушаю, вместо привычного, родного и милого голоса твоего твои мерные шаги, скрип снега под сапогами. Но звук твоих шагов, не меньше чем голос, говорит мне каждую секунду о том, что мы вместе, мы рядом, вдвоём, отзываясь во мне спокойной, немного томной радостью. Я люблюсь снежинками в твоих выбившихся из-под шапки рыжих кудрях, гляжу на твой закутанный в пальто силуэт в предвкушении возвращения домой, нашей с тобой наготы, осязания женственной мягкости твоего тела, своей ногой вверенности тебе, моя милая.

И если ты спросишь меня, о чём я задумалась, я скажу, что о том, как мы будем стоять под душем, прильнув одна к другой, и, замерев в неге наготы, объятий и близости, долго-долго слушать шум воды и плеск потока тёплых капель.

29/30.8-29/30.11.2004

УХОДЯЩЕЕ СЧАСТЬЕ

Закат на даче... Так тепло и тихо. Домик и берёза отбрасывают длинные тени, бабочки кружат над цветущим горохом — две белых капустницы, одна за другой... И ты, которой я любовалась издали, тайно влюблённая в тебя и не решающаяся сказать об этом, обнимаешь, гладишь меня, к тебе прикину... Ты так красива сейчас в алом бикини, с распущенными волосами... Нагота, оттенённая лоскутками купальников и прикосновениями травинки, тень предвкушения любовных утех, счастливый покой близости и нежного доверия, окутавшего и соединившего нас после свершившегося признания в любви. И наступающее ощущение того, что это был лишь сон. И просыпаясь, я пытаюсь задремать снова, вообразить тебя, чтобы вернуться в тот же сон, ещё хоть на мгновение ощутить тебя, твою близость и сказать тебе, как я тебя люблю и как благодарна тебе за уходящее счастье этого сна.

12/13.6.2005

ТО, ОТ ЧЕГО СЕРДЦЕ СЖИМАЕТСЯ В ТОМЛЕНИИ-ОЖИДАНИИ

Подражание Сэй-Сёнагон...

Дождь, шумящий в листве летней ночью.

Вздых любимой, лежащей рядом без сна.

Прикосновение подруги, завязывающей бретельки купальника или поправляющей воротник закрытого строгого платья.

Первые одуванчики в мае.

Жёлтые цветы крестовника среди высоких августовских трав.

6-8.2006

ВЕСНОЙ ПРЕЛЕСТНО РАННЕЕ УТРО

Весной прелестно раннее утро.

Утреннее солнце едва поднялось над соседними домами, светит в окно. В комнате за закрытыми шторами уже совсем светло, свет ясен и мягок.

Всё в этом свете смотрится притягательно и обещающе: бумаги на столе, ряды книг, фигурки и статуэтки за бликами стёкол на полных света книжных полках...

А как очаровательна ты, дремлющая на залитой мягким светом кровати! Покрывало смято и отброшено — ведь так тепло — и вся ты — солнечные рыжие кудри, обнажённое полноватое тело, такое маняще-мягкое в сонной неге, — купаешься в тёплом и нежном свете, проникающем сквозь шторы, но кажется, исходящем от тебя самой.

4.2006-3.2008

СБОР ЯГОДЫ

Ярко-солнечный жаркий день в самый разгар лета. Солнце сияет и печёт так жарко, что любая одежда кажется лишней. Раздетые, в ярких купальниках, маленькими лоскутками и тонкими бретельками лишь подчёркивающих наготу, мы с тобой выходим собирать ягоду... Ты шествуешь на шаг-другой впереди меня, рассказывая мне что-нибудь или тихонько напевая под перестук своих сабо, то и дело оправляя бретельки и края лоскутков своего бикини, дразня моё и своё вожделение этим жестом.

Пройдя через огород, мы забираемся в заросли жимолости или вишни. Я лезу вглубь кустов, приопускаясь на корточки или на колени, высматриваю и выбираю ягоды из-под нижних ветвей. Ты, высокая, чаще тянешься вверх, к самым верхним ветвям, и к ветвям, самым запрятанным в глубине куста, которых мне, миниатюрной, уж точно не достать.

Я люблюсь тобой — как ты, раздетая, ладная крепкая и стройная, тянешься к самым высоким гроздьям ягод то вставая на цыпочки, то осторожно подпрыгивая, как ты улыбаешься мне, выглядывая из-за ветвей. И я, пробираясь в глубь кустов, изгибаясь и протискиваясь меж ветвями, стараюсь, ловя твоё полное эроса любование, придать всем своим движениям всё изящество, упругость и грацию, на какие только способна.

Упругие ветви, нагретые солнцем листья касаются наших тел всюду, то царапая, то глядя и всякий раз напоминая, как мы раздеты. Раздеты друг перед дружкой, друг для дружки... Мы то появляемся друг перед другом из-за ветвей, то скрываемся за ветвями снова, то соприкасаемся руками, тянущимися к близким ягодам, то толкаемся полунарочно голыми боками и спинами. В каждом движении всё больше вожделения, всё больше эроса, всё

больше желания нравиться друг другу, дразнить и томить друг друга...

Медленно прибывает ягода в ведёрках, а томление, вожделение и жажда ласки в нас обеих нарастает всё сильнее и неумолимее, всё неборимее становится жарко-сладкий эрос, изводящий нас. Но мы не нарушаем наш негласный уговор — не оставлять работу, пока она не будет сделана. Лишь иногда, не утерпев совсем, когда оказываемся мы рядом, приобнимаешь то ты меня, то я тебя, и мы обмениваемся короткими, но жаркими до невозможности поцелуями, нетерпеливо касаемся набухших, торчащих под купальниками сосков друг друга, скользим ладонями по плечам, бокам и бёдрами. Поправляя друг на дружке купальники едва удерживаемся от соблазна потянуть за бретельку и развязать... Но снова скрываемся друг от друга, раздражённые, за буйной зеленью листвы, чтобы дразнить друг друга вожделением ещё больше...

И вот, когда ведра полны или поспевшей ягоды совсем не остаётся на кустах, мы выбираемся наконец из зарослей под яркое солнце, и снова шествуем через цветущий огород, шагаем друг за другом, дрожащие от желания, и жаркий ветер ласкает нас...

А в прохладном, после жары и солнцепёка, полумраке дома, оставив ягоды в тени, мы припадаем друг к другу, освобождаясь от купальников, сбрасывая сабо. И одного лишь совсем нагого соприкосновения, объятий, обвивания друг друга, первых же поцелуев хватает нам обеим, чтобы взлететь на самый гребень волны страсти и сладости, взлететь и замереть в звеняще-стонущем трепете...

30.3.2008

ЯВА

Мы танцуем яву...

Под резковатые торопливые волны пения аккордеона и женского голоса мы кружимся вдвоём мелкими частыми шажками, ловя руки друг друга, — то совсем близко, тело к телу, то разлетаясь и тут же сближаясь вновь... Мы движемся в этом чувственном трепещущем танце, вьёмся одна вокруг другой в его прерывистом неровном полёте, как бабочки, порхающие друг за дружкой над осенними цветами. В нашем кружении, в наших движениях, в соприкосновении ладоней, в быстрых наших шажках — трепет крыльев бабочек вместе с трепетом пламени на ветру и волнами прибоя. Трепет счастья любви пополам с тревогой за неё, трепет чувственного упоения близостью любимой, вьющейся так близко, совсем близко, в танце одном на двоих...

Музыка — песня и голос Эдит Пиаф, Фрээль, Сюзи Солидор или Люсьенн Делиль влечёт нас за собой, влечёт друг к дружке, и, вместе с нашей любовью и нежностью, влечёт в неровное кружение явы, в извивы этих мелких торопливых шагов... В этот танец, давно вышедший из моды, забытый, почти неизвестный в наше время, когда-то увиденный тобой мельком в коротком фрагменте документального фильма о Европе предгрозовых тридцатых годов, и запавший тебе в душу, запечатлённый в твоей великолепной памяти. В этот танец, когда-то знакомый мне лишь по песням певиц, чьё искусство, чьи голоса отзывались во мне моими первыми осознанными сапфическими чувствами... В этот танец, который мы полюбили вместе, которому научила меня ты, а тебя — незнакомка со старой киноплёнки...

9.12.2008

ПОДРУГИ, СИДЯЩИЕ БОК О БОК

Блохи — препротивные существа

Сэй-Сёнагон

Они написали программу одними из первых, но вот незадача — эта программа находила минимум функции не в той точке, где он должен был быть. За всё занятие я, носясь от одних студентов к другим, то проверяя чьи-то результаты, то помогая кому-то «отловить блох»¹⁰, то объясняя кому-то что-то непонятное, не раз останавливалась за спинами этих двух девушек, пытаюсь помочь найти их ошибку, проглядывая код их программы, найдя пару ляпов, от исправления которых программа, впрочем, не стала работать правильно.

И вот теперь, когда лента кончилась, все разошлись, получив оценки или унося с собой недоделанные программы, лишь эти двое не хотели уходить, упорно пытаюсь довести программу до ума и надеюсь на мою помощь. Странное дело, эти две девушки, довольно неплохо помня школьную математику, прилично зная матанализ, дифуры и алгебру, не умели программировать поначалу совсем никак. Я больше полу-семестра потратила с ними (и не только с ними двоими) на то, чтобы научить их программированию с нуля, рассказывала им больше про типы данных, операторы, структуру программ, написание и использование функций... Но и после всего этого я вынуждена была помогать им не столько с численными методами, сколько с программированием самим по себе...

И вот сейчас, больше не прыгая от одних студентов к другим, я могла сосредоточиться на помощи этим двум девушкам. Одна из них собралась-было уступить мне своё место за компьютером, но я просто пододвинула стул к ним и села рядом. Усаживаясь поближе к экрану и клавиатуре, я волей-неволей уткнулась коленями в колени девушки. И это соприкосновение через тонкую ткань колготок тотчас оживило в моей памяти воспоминание о наших с тобой студенческих годах, о том, как мы с тобой сидели на лабораторных бок о бок, так же соприкасаясь коленками, как эти девушки друг с дружкой и как я с одной из них сейчас. Вспомнилось, как в темноте лаборатории оптики, сидя за монохроматором¹¹ и высматривая спектральные линии, которые двоились и троились у меня в глазах, я готова была проклясть всё на свете кроме тебя, сидящей так близко, и твоих прикосновений, кроме твоих коленей, уткнувшихся в мои, и твоей беспокойной руки, гладящей мои колени и дарящей успокоение и предвкушение твоих пока ещё далёких ночных ласк. И вот, сейчас, следя то за курсором в окне редактора, то за девичьей рукой, летающей от клавиатуры к экрану и обратно, я заметила, что другая рука этой девушки лежит на колене сидящей рядом и склонившейся к ней подруги-напарницы...

Неужели?.. Право же, я и сама готова сейчас пожалеть, что юбка моя, ровно до колен, слишком длинна...

И вот, рассказывая и показывая, как работает `gdb`¹², и объясняя смысл того, что он выводит, но по-прежнему не видя, в чём ошибка, я различила в доносящемся из коридора шуме шаги — глуховатый сухой перестук каблуков, — размеренный чёткий и монотонный ритм которых узнала бы в любом шуме... Эти шаги, — всё ближе, ближе, ближе — затихли у меня за спиной. Студентки вопросительно оглянулись, вернулись к своей программе... А мне и не надо оборачиваться — я и так чувствую, как ты стоишь у меня за спиной, чуть наклонившись вперёд, широко расставив крепкие полные ноги, сунув руки в необъятные

¹⁰ Выражение «отлавливать блох» иногда используется в качестве вольного, не без иронии, перевода английского выражения `to debug` (отлаживать программу, искать и исправлять ошибки в ней).

¹¹ Монохроматор — прибор, выделяющий из всего поступающего в него света свет заданной длины волны. Он используется в некоторых лабораторных работах по оптике. Здесь, в рассказе, имеется в виду процесс калибровки монохроматора по спектральным линиям, длины волн которых известны, — муторная, но необходимая предварительная операция в некоторых лабораторных.

¹² `gdb` — GNU debugger — созданная в рамках проекта GNU программа-отладчик (т.е. программа для пошагового выполнения другой программы и отслеживания значений переменных в ней.)

карманы, вшитые между клиньев старомодного платья, сумка на плече, рыжие кудри в беспорядке, и напряжённая улыбка играет у тебя на ярко накрашенных губах, казалось бы готовая прыснуть смешком, но на самом деле означающая сосредоточенность...

Минута, и твоя рука легла на моё плечо, коснулась шеи, оправила волосы... Ещё минута-другая и твой пухловатый плавно-утончающийся палец ткнулся в экран коротко остриженным ненакрашенным ногтем. И ватно-глухой тихий голос твой произнёс с интонацией «элементарно, мой дорогой Ватсон»:

— Вот. Вот тут перепутаны счётчики цикла. Здесь «жи» должна быть, а здесь «и».

31.12.2008/1.1.2009

ЛОСКУТКИ ЛЕТА

Придумывание, шитьё и примерка купальников — изысканное эротическое действо.

Особенно зимой, когда в контрасте с плотной тяжестью уличной одежды и чопорной строгостью носимых на работе платьев, это занятие навеивает нам обоим мечты о лете, о наготе друг перед другом и любовных ласках под жарким ясным солнечным небом среди цветущих трав... В каждом ярком лоскутке, в каждом нарисованном на ткани цветке, листе или бабочке — тёплая яркость летнего солнца, солнечность летнего цветения...

Пусть даже купальнику, который сошью я для тебя или ты для меня, предстоит быть девять-десять месяцев в году только домашним украшением наготы. Но эти кусочки лета из разноцветной ткани на наших телах в любое время года наполняют наш дом отголосками той жаркой, влекущей нас друг к другу, чувственности, которой в разгар июня и июля так дышит и сияет цветение свежих полных солнца трав, буйство листвы, кружение нежных бабочек, бездонность солнечного неба, белизна облаков и тёплый ветер.

Стрекочет кузнечиком швейная машинка, мельтешит игла, лоскутки яркой ткани ползут под лапкой. Продвигаю их аккуратно, расправляя, не давая краю оборки выползти из-под лапки, уползти в сторону. Прямо, прямо ползи... Не дрогнула бы рука... Ну вот, оборка пристрочена, теперь последний штрих, сшить её край. Готово, уф! Наш замысел очередного купальника для твоего домашне-дачного гардероба теперь наполовину, как не больше, воплощён...

А вот и ты — за стрёкотом машинки я и не услышала, как подошла ты и встала за моей спиной, уже совсем раздетая, в одних лишь очках, — готовишься примерить обновку. Как соблазнительна ты сейчас, как идёт тебе эта ожидающая украшения нагота! Твои руки благодарно скользнули по моей шее, плечам, спине, остановились на бретельке моего купальника — кажется, вот-вот расстегнут застёжку беспокойные пальцы.

Смешинка играет, готовая слететь, на твоих губах, поджатых в намёке на сдержанную улыбку... И мне хочется воскликнуть с наигранным возмущением «Ну что смешного?!» — как раньше, давно, когда я ещё не различала всех смыслов и значений твоих смешинок, твоей улыбки. Сейчас в ней — благодарность и сопереживание моему усердию, и радость обновке, и предвкушение демонстрации своей соблазнительности и эротичности.

И вот, надев нижнюю часть бикини, ты поворачиваешься передо мной и перед зеркалом, рассматривая и показывая себя, украшенную новым эротическим нарядом, оправляешь узкую оборку на трусиках, так эффектно подчёркивающую широкобедность твоей фигуры, и хихикаешь:

— Такой короткой мини-юбки я ещё не носила! — и смеясь, изображаешь подобие реверанса в этой «слишком короткой юбке», разводя руками в стороны края оборки. Твои глаза сияют, блики на очках вторят весёлому сиянию глаз, а округло-островерхие, врзлёт,

грудь с солнышками-сосками подрагивают в смехе так соблазнительно! Их ещё нечем украсить, лифчик не сшит, и ладно. Нечем пока украсить, да и не надо, — зато можно поцеловать!

1.3.2009

ТЫ — МЯГКАЯ

Как нежна и ласкова мягкость округлых форм твоего полноватого тела, когда ты, обнажённая, обнимаешь меня, засыпая, когда я в полусне лежу прикинувшись к тебе, погружаясь и растворяясь в осязании твоей мягкости, в которой таится и геркулесова сила, и венерина страстность. Как мягки твои груди, свешивающиеся на мои плечи, мою шею, когда ты заглядываешь в то, что я пишу или читаю, подсказывая и помогая мне или просто любопытствуя. Рыжие кудри, в вечном беспорядке, мягкой пышной шапкой окружают твоё простоватое лицо.

Твой голос, глухой, нерезкий, тихий, немного невнятный, звучит ватно и облачно, окутывает мягкостью своей, как и твоя манера разговора — мгновение мимолётной рассеянной задумчивости всякий раз перед тем, как ты заговоришь...

Как мягок весь твой облик, оттого, что старомодные платья, которые ты носишь, сидят на твоей широкобедрой высокогрудой фигуре, собираясь множеством складок, смягчая ещё больше её округлые ладные очертания.

Твой почерк — такие ровные и правильные, плавные, округлые — как сама ты, очертания букв...

Взгляд твоих глаз, глядящих сквозь очки обычно с некоторым удивлением и вызовом, смягчается туманной поволокой, когда ты смотришь на меня.

Твоё внимание, твоё присутствие рядом навеивает мягкое и ласковое, тихое чувство неодинокости, устроенности, спокойного счастья или его близкой возможности...

7.3.2009

ПРОЗРАЧНЫЕ КРЫЛЬЯ НАГОТЫ

В укромном уголке дачи или леса вдаль от людей, наедине с тобой — так хорошо раздеться совсем.

Раздеваться неторопливо, снимая вещь за вещь и чувствуя, как тело освобождается из привычного кокона. Чувствовать, как остающаяся без оболочек одежды плоть сливается с воздухом неба, тёплым, знойным или прохладным, неподвижным, или веющим дыханием ветра.

Волнительно ощутить всей кожей, как тело наконец остаётся облекаемо одним лишь воздухом, как больше не остаётся на теле ни единого кусочка ткани, ни единой вещи, и лишь только воздух облегает тело всё и всюду, даже в самых нежных сокровенных местах. И в этот момент, когда на мне останется лишь только воздух, солнечный свет и твой взгляд, любующийся и ласковый, — почувствовать себя бабочкой, покинувшей плотный кокон, расправившей прозрачные крылья наготы и готовой лететь, нежной-пренежной.

Улыбнуться тебе, тоже совсем раздетой, улыбающейся, поправляющей причёску. Пуститься резвиться, кружиться друг за дружкой, виться над цветами и травой, среди ветвей, среди бабочек.

И вот уже прикосновения воздуха смешиваются с прикосновениями твоих рук, ласковых, женственных, бережных. И вот уже прикосновениям пальцев, ладоней, вторят

прикосновения твоих губ, волос, лица, груди, полных бёдер, всего твоего тела, сильного, тёплого, мягкого. Ах!..

28.01.2010

МОЛЧАЛИВОЕ УВЕРЕНИЕ

Ранняя осень навевает грусть. Чувство прощания, предчувствие утраты разлито в небе, в желтолистных, кое-где начинающих редеть, кронах деревьев, золотящихся в лучах низкого солнца. Тепло... и листья так желты, так солнечны.

Как ярки, как цветущи эти переливы жёлтого, золотого янтарного и красноватого в листве, ещё густой на понемногу облетающих ветвях, и уже устлавшей все дорожки. Но как недолга, как мимолётна, как обречённа эта красота, в своём цветении тающая и уходящая. Её цветение — отцветание, уход...

Тепло... Хоть небо уже сумрачнее летнего, и солнце низко, и рано клонится к закату, тепло почти совсем как летом. Слишком тепло для осени. Твой плащ расстёгнут, мой снят и перекинут через руку.

Отсветы низкого солнца блестят на стёклах твоих очков. Рыжие кудри твоей старомодной причёски, ноги в колготках цвета твоих кудрей, пряжки на поясе и туфлях золотятся в тон цветам осени, листвы, но всё же теплее, в тон низкому солнцу, но ещё мягче.

Автобусная остановка присыпана листвой. Деревья золотятся, колышутся под ветром, теряя то лист, то несколько. Ещё тепло... Чувство прощания, предчувствие утраты...

Ты встала за моей спиной, обвила меня руками, привлекла к себе. Прикосновение твоих высоких груди и полных ног, вся мягкость твоего тела, так ощутимая даже через ткань двух платьев, твои сцепленные на моей талии пальцы, и словно в дополнение к объёмам наброшенные на меня полы твоего плаща — молчаливое уверение: «Мы неразлучны. Я с тобой.»

09.2009-28.01.2010

БОК О БОК И РУКА ОБ РУКУ

Бок о бок и рука об руку. Улучить момент, ткнуться лицом в твоё округлое голое плечо, поправить на тебе бретельку выцветшего платья-сарафана и бретельку купальника рядом с ней, поймать твой взгляд.

С холма в ложбинку и на холм, по длинной дороге между заборами чужих садов, между кустами и цветами, выглядывающими сквозь заборы, под солнцепёком, ненадолго сменяющимся тенью, когда солнце заходит за редкие облака, под мерный стук наших низких каблучков по пыльной земле, стрёкот кузнечиков, шорохи травы и почти сливающийся с ними твой голос.

И я не столько слышу, сколько угадываю добрую половину твоих слов и фраз, но мне легко угадывать — я кажется предчувствую, если не что, то как ты скажешь. А ты, по своему обыкновению, как ты любишь, рассказываешь мне о книге, которую вчера читала допоздна, когда я уже и заснула на твоём плече, вся растворившись в ощущениях наготы, в запахе «Красной Москвы», пушистости твоих волос, тепле и мягкости тела.

30.01.2010

МОЯ МИЛАЯ РЫЖАЯ

Как красива ты, поливающая в разгар июльской жары грядки в саду! Раздетая, ладная как Венера, мощная, мягкая, в солнечно рыжем, как твои волосы, купальнике, под белой шляпой, ты вышагиваешь с двумя наполненными водой до краёв ведрами в руках. Ты движешься, плавно раздвигая своим полноватым загорелым телом, своими полными ногами побеги и ветви, нависшие над тропинкой, прокладывая себе среди зарослей них тут же скрывающуюся под ними дорогу.

Я люблюсь тобой, присаживающейся на корточки или опускающейся на колено около грядок, зачерпывающей длинным ковшом воду из вёдер и аккуратно выливающей её под самые корни кабачков, капусты, огурцов... Раздетая и оттого особенно нежная, мягкая и могучая в своей почти-нагоде, открывающей всю стать и мощь женственного, полного сил и жизни тела, ты так великолепна сейчас, в этих движениях и позах, в этих изгибах и распрямлениях своей ладной фигуры — как ты прекрасна, как женственна за этим занятием, заботливо и спокойно дающая воду, и водою — жизнь всем этим растениям. Венера и Деметра в одном лице.

Ты улыбаешься, довольная то ли своей работой, то ли солнечным жаром лета и тем, как всё растёт вокруг, то ли своей раздетостью и тем, как ты нравишься мне, то ли тем, как нравлюсь тебе я, в купальнике лазающая со шлангом по рядам картофельного поля. И солнечные блики вспыхивают в воде ковша, на стёклах твоих очков и на застёжках твоего бикини.

И вот ты снова идёшь с ведрами по полузаросшей тропинке, мне навстречу, чтоб я налила тебе воды. И я, выбравшись из рядов картофельной ботвы, стою перед тобой, опустив шланг в ведро, немного чумакая, измазавшая бок и ноги землёй с мокрого шланга, а ты смываешь с меня эту землю прохладной водой из своего ковша. Мокрой рукой ты оправляешь купальник на мне и на себе. Как ты красива! Стоишь, широко и устойчиво расставив полные ноги, смотришь на меня с многозначительной полуулыбкой.

Ах, вода уже вот-вот польётся через край ведра! Я торопливо убираю шланг, кладу его обратно между рядов картошки, кивая на полные ведра:

— Не слишком много? Не тяжело?

— Ну что ты, — прыскаешь смешинкой ты — мне и твой вес не тяжесть, — и вдруг подхватив на руки меня, пускаешься кружиться. Мои сабо слетают с меня куда-то под сирень, а шляпа — на ботву картошки, я не успеваю их поймать. Да пусть летят! Я обвиваю руками твою шею, льну к твоему мягкому плечу щекой. Ах, как нам хорошо! Ты кружишься и кружишься, залившись ведьминым задорным смехом. Не упади! Да ты не упадёшь — скорее, взлетишь, обходясь даже без метлы, моя милая рыжая!

23/24.02.2010

Рассказы-хайбун

Рассказы «Июнь», «Стылое озеро» и «Цветы на день рождения» я вынуждена поместить на сайт и в этот сборник в двух вариантах, хоть это и странно. Изначально они были написаны такими, какими вы их увидите здесь, ниже. Но написав их, я не удержалась от того, чтобы не обогатить этими сюжетами историю Лиды и Адели, героинь рассказа «Подруга». Я так и не смогла выбрать, какой из двух вариантов лучше, помаявшись, публикую оба...

Июнь

Июнь выдался сухим и знойным, заставив нас беспокоиться за дачные насаждения, и зачистить на дачу, чтобы поливать их.

Но в том была и своя прелесть. Растения, обильно политые, под жарким ясным небом бушевали пышной сочной зеленью. Жимолость гнулась под весом ягод, сирень цвела празднично, картофельное поле превращалось в сплошной зелёный ковёр.

Густые заросли малины и большая разлапистая сирень сделали полянку между домиком и забором со всех сторон закрытой от посторонних глаз.

И здесь, на этом островке сокрытости, мы, отдыхая от беготни с лейками и шлангами, загорали нагие. Сняв купальники или платья, даже серёжки сняв для сакральной абсолютности наготы, мы обе ложились в густую нежную траву и предавались тягучей сладости лесбийских ласк, болтали, подрёмывали, просто целовались, философствовали, упражнялись в сочинении хайку и ренга. Нежная трава и жаркий ветерок поглаживали голую кожу, добавляя эротической истомы. Жар сияющего солнца соревновался с жаром наших разгорячённых любовью губ, ладоней, тел.

Я лежала, беззаботно и свободно распростёртая в траве, глядя в прозрачную бездонную пустоту ясного неба, улетаю, погружаясь взглядом в бесконечную даль, залитую необычайно яркой и насыщенной синевою, и у меня кружилась голова и захватывало дух...

А ты вдруг вздохнула, медленно и гибко встала, выпрямилась надо мной, потягиваясь, стройная, загорелая, голая, прелестная. Груды всколыхнулись от движения, волосы — от ветерка, а небо над тобой сияло всё той же величественной синей бездной.

Нагое изящество твоей миниатюрной загорелой фигурки, осенённой ярким светом жаркого солнечного дня в невесомой синеве неба было совершенно чарующим. Ты замерла, в полудвижении-полуостановке, видно, раздумывая о чём-то, а я, в желании продлить любованье тобою, протянула руку и поймала тебя за худенькую лодыжку.

Ты вопросительно и чуточку кокетливо склонила голову, а я произнесла рождённое эту минуту:

— *Ах, до чего красива
Ты в этом платье воздушном
Из июньского неба!*

ноябрь 2002 г.

Стылое озеро

Вечерело. Было не так уж поздно, но ранние сумерки мрачнели и сгущались, красноречивее всего говоря, как глубока осень. Лишь холодный ветер с дождём могли бы потягаться с ними в этом красноречии. Но сейчас они оставались за стёклами трясучего автобуса, как и деревья с редкой жухлой листвой, и лужи, залившие все обочины и тротуары.

Ты сидела у окна, зябко сжавшись и глядя то сквозь забрызганное дождём и грязью стекло, то на свои руки и сумочку на коленках, мёрзнувших в тонких колготках и плохо укрытых коротким плащом.

И я смотрела в сторону окна — вскользь на законный пейзаж, а всё больше на тебя, на твоё лицо, хранящее яркость летнего загара, на пушистые чёрные-пречёрные волосы, спадавшие густым каррэ на щёки и лоб из-под чёрной же фетровой шляпки. Порой я ловила твой поникший после суетного дня взгляд и могла полюбоваться длинными ресницами, пухлыми напряжённо сжатыми губами, и тонким острым носом.

Деревья расступились, открывая вид на озеро близ дороги. Картина стылого озера в осенних сумерках, с пожухлым камышом кое-где по берегам, рябого от ливня, желтеющего множеством опавших листьев, была пронзительна печалью угасания. Промозглая печаль эта была так обречённа, тосклива и неприкаянна, — в унисон нашей нелепой борьбе сегодняшнего дня и твоей поникшей озяблости, — что сердце моё сжалось в комок, охваченное отзвуком этой печали.

Я рванулась к тебе, судорожно прижимаясь плечом к твоему плечу, коленом к колену, обхватила твои руки своими, почти дрожа, пряча в глубине себя слёзы. Озеро, чей дальний берег и так терялся в сумраке за плотным дождём, скрылось теперь за деревьями и за поворотом. Ты, тоже проводившая его взглядом, обернулась ко мне. В печальных глазах, изгибе губ и нервной хватке твоих пальцев, переплетшихся с моими, я прочла то же, что чувствовала сама.

Это было — чувство зыбкости нашего бытия и ледящего одиночества нас двоих в этом мире, но всё же, как хорошо, что всё-таки двоих. И чувство бесценности нас двоих друг для друга, неразрывнейшей связи, чуткого понимания и нежной любви, отчаянно бросающее вызов и зыбкости бытия, и одиночеству...

Поцеловать тебя — я не решилась в тот миг... Но поцелуем прозвучало хайку, навеянное видом озера:

— В сумерках дождь
Берег стылого озера скрыл
И завтрашний день

Твоё лицо оживилось лёгкой, хоть и грустноватой улыбкой. Искорки блеснули в поникшем было взоре и ты ответила:

— А можно и «пять-семь-пять»¹³ соблюсти:

*Завесой дождя
Сумерки пруд укрыли
И день грядущий*

ноябрь 2002 г.

¹³ «Пять-семь-пять» — правило, требующее, чтобы в первой строчке хайку было 5 слогов, во второй — 7, в третьей — 5. Это правило, практически обязательное для японских хайку, часто не соблюдается в хайку на европейских языках.

Цветы на день рождения

Проводив гостей и сразу погрузившись от мысли, что вот и ещё один год выскользнул из жизни в прошлое, я опустила в кресло с книгой в руках. Ты поцеловала меня и юркнула в спальню.

А я растерянно листала, рассматривала подаренную мне книгу, перебегая взглядом то от её страниц к цветам в вазе, то обратно. Мне подарили роскошный букет. Большие, золотисто-жёлтые тюльпаны были прекрасны, но с печалью и жалостью любовалась я ими. Срезанные цветы, обречённые, что бы я ни делала, повянуть и опасть так скоро, так неминуемо — вот образ и юности и жизни, — думала я.

В комнату лёгким шагом впорхнула ты, уже раздетая, в ярком зелёном бикини с жёлтым, белым, голубым цветочным узором. Цветущие лоскутки купальника сияли на тебе, загорелой и изящной, оживляя воспоминания и мечты о тёплом солнечном лете, предвкушение и желание любовных ласк.

Ты подошла ко мне, обняла со словами «любимая... девочка моя!..», ласково скользя рукой по волосам. И я приникла лицом к твоим обтянутым цветастым шёлком, островерхим, упруго-мягким грудям.

*В день рожденья
Мне милее всего цветы
Твоего бикини.*

ноябрь 2002 г.

Белоснежность

Мы не спешим сегодня. Как хорошо! Было время поспать, ласкаться-нежиться в постели, не вскакивая спозаранку, и есть время собраться и позавтракать не торопясь. Я ставлю на стол кофе и испечённые вчера булочки с брусникой, а ты перебираешь бумаги — наши записи, приготовленные к сегодняшнему семинару. Ты потягиваешься, зеваешь, прохаживаешься рядом, медлительная, едва проснувшаяся и едва одетая, вся такая нежная в одной лишь белоснежной комбинации, отороченной кружевом. Через тонкую белую ткань просвечивают соски, словно солнце сквозь туманную белую пелену зимних облаков, и всё твоё тело под полупрозрачным шёлком проступает, очаровывая томной просьбой ласки.

Взяв из рук моих кружку, ты остановилась у окна — в одной руке кофе, в другой листки с формулами, но твой задумчивый взгляд — поверх них. А за окном — как бело, как светло! Тающие остатки тумана, в которых почти растворилась блёклая луна, предвещают ясный и морозный день. Ветви верхушек черёмухи все белые, покрытые нежным и густым пушистым инеем, сделались изысканным кружевом. Поодаль молочно-туманными облачками распушились-расплылись заиндевелые кроны.

Ты замерла, стройная, неподвижная, молчаливая — как не замечаться, как не залюбоваться зимой в кружевах инея, вуали морозного тумана и шёлке свежего снега, батисте облаков! А у меня сжалось сердце, охваченное щемящей нежностью к тебе, неожиданному средоточию этого белоснежного очарования.

*Зимнее утро
Иней, туман, белоснежность
Нежность беля*

15.XII.2002

Дама с веером

Азарт против усталости — не упустить идею, писать, писать...

Ночь душная, удушливая, жаркая... Приближение утра. Душный жар плотно и утомительно облегает кожу, лежит тяжело на теле, проникает внутрь — не развеять и не стряхнуть. Оглушённость и подступающая головная боль. Электрический свет жёлт, болезненен, как свистящий оттенок в ровном монотонном тихом шуме вентиляторов компьютера. Монитор утомителен даже в текстовом режиме, и сероватые буквы режут взгляд.

Сняла очки, тру закрытые глаза — больно, выступают слёзы, но от них легчает... Душно и тяжело телу... Хочется раздеться, хотя вся одежда давно снята, но как снять с себя, совсем обнажённой, этот душный ночной воздух и электрический свет?! Собираю волосы на темя, открывая потный лоб и виски...

Веер! Твой молочно-белый ажурный веер... Обмахиваясь им, гоню по телу всё ту же, ту же плотную духоту жаркого воздуха. Но задумчиво прислонив раскрытый веер ко лбу, я могу закрыться от едкого света лампы и колких букв монитора... Просеянный мелкими кружевными прорезями свет нежнеет и смягчается. Так лучше!.. И можно думать, собирать мысли в перегретой, порядком затуманившейся голове...

Облегчение, свежесть — пришла долгожданная — ласков, прохладен, переливчив и чист, зажурчал совсем рядом ручеёк твоего женственного голоса:

— *Нагая дама*
Закрывает глаза тихонько
Раскрытым веером

16/17.ИИ.2003

Среди бабочек и подсолнухов

Среди бабочек и подсолнухов, раздетая, в ярком зелёном цветастом бикини, ты стоишь, забросив прополку — почти неподвижная, стройная, вся распрямившаяся на своих высоких каблуках, лишь голову склонив немного набок. Твоё лицо задумчиво-мечтательно, на нём то появляется, то исчезает тень улыбки. Сияет и греет солнце. Дуновения тёплого ветерка пошевеливают твои пышные волосы и ленты широкополой плетёной шляпы. Подсолнухи рядом с тобой едва-едва колышутся, покачиваются от ветра, слабо колеблющего их большие, свисающие под своим весом, сочно-зелёные широкие листья и наливающиеся тяжестью головы с солнечно-жёлтыми лепестками. Мотыльки и бабочки порхают и кружат среди подсолнухов, над ними и над тобой, садясь на листья, жёлтые лепестки, даже на твою шляпу и на тебя саму, слетая, подхватываемые ветром, и продолжая трепетный свой полёт.

Ты обернула ко мне лицо, окликнула меня и попросила принести записную книжку. Я юркнула в домик (мне ближе, чем тебе), отыскала в брошенных на кушетке платьях и сумках блокнот и карандаш, пустилась к тебе почти бегом, юрко и торопливо протискиваясь сквозь заросли вишни, потом шагая по тропинке между грядок, как по подиуму, и оправляя на себе края купальника.

Я подошла к тебе — ты улыбнулась, глянула на меня задумчивым, немного извиняющимся взглядом, в котором было, однако, вместе с тем, и любованье мной, и вожделение, сказала тихо и разочарованно (видно, имея в виду продолжение тех выкладок, которые мы записывали, то и дело останавливаясь по дороге на дачу):

— Ошиблась я. Не сводится там ничего к табличным интегралам... Никак... — и протянула ко мне руку, но записную книжку не взяла, а стала задумчиво водить пальцем

вокруг нарисованной у меня на купальнике бабочки.

Я, приосанившись, стою перед тобой и наслаждаюсь своей подчёркнутой купальником раздетостью, твоими прикосновениями к моей груди через тонкую ткань, не зная, однако, что сказать тебе в ответ...

Ты переводишь взгляд с меня на большой лист подсолнуха, едва колеблемый лёгкими прикосновениями ветра, на бабочку, пролетающую над ним, и на меня обратно. И произносишь певуче, медленно, паузами и взмахами ресниц разделяя строки хайку:

— *Ветерок. Колыхания*

Тяжёлых листьев подсолнуха

И крыльев капустницы

— *Её крылья в полёте трепещут*

Как вся я под взглядом любимой, — продолжаю я, добавляя две тут же сами собой сложившиеся строчки.

— Вот, не зря ты бегала за записной книжкой! — улыбаешься ты радостнее, с игривыми искорками в тёмных глазах, — запиши...

28.V.2008

Короткая юбка

Люблю этот твой жест — когда мы сидим рядом, ты не преминешь дотронуться рукой до моих коленей. Мимолётно или чуть дольше скользят твои пальцы по краю юбки, и по коленкам, не прикрытым ею, и так приятно чувствовать через тонкую ткань ласкающее прикосновение твоей руки. Твои пальцы — они так нежны, так красивы, так беспокойны — теребят то застёжку сумочки, то ремешок её, то край кармана, вертят ручку или карандаш, — и вот, твои пальцы словно ошупью изучают, столько уж раз изученную, форму моих коленей, фактуру ткани колготок и юбки на них — вспоминают, напоминают о ночи в обнимку в одной на двоих постели, о вечере вдвоём и нагоде друг перед другом, о ласках сапфических, чувственных. А на взгляд посторонний, ты, заботливая и хлопотливая не то подруга, не то сестра, всего лишь расправляешь на мне краешек юбки или смахиваешь какие-то незаметные соринки.

Короткая юбка.

Скольжение бликов и рук

По рыжим коленкам

14-16.VIII.2009

ХАЙКУ

2000:

Шелушила фасоль,
Вспоминала
Тебя голую с лейкой в руке

Ил-18 —
Среди осеннего сквера
В луже огромной

Белые строки
На чёрной консоли Линукса.
Звёздное небо.

*« ... Блохи — препротивные существа... »
(отладка программы на C)*

Шальной указатель —
Отфонарные цифры...
Что сказала бы Сэй-Сёнагон?

В эту осень
Нет за окном жёлтых листьев.
Спилили дерево...

Осень. Ливень прошёл.
Узор из песка
Струится по дну ручья.

В пустоту ночи
Гляжу молча
Холодно. Тихо. Темно.

2001:

Отстучал поезд —
Вдаль, в летнюю ночь
Ветер подул

придумала вдруг
хайку в автобусе я
пишу на клочке

«Постой!..» — сказала ты
Поправила бретельки
На моих плечах

Гром отдалённый?
Нет, не смолкает
Кажется, Ан-12

Чёрный локон
В рыжих кудрях
Осень. Объятья. Ветер

Августа день последний
Загорелую спину глажу
Золотая листва за окном

*Однажды, когда сентябрь уже шёл к концу,
выдался по-летнему тёплый день...
(есть ещё и танка о том же)*

На день тепло вернулось
В жухлой траве зелёные
Лишь наши купальники

Не побегу на автобус
Як-40 в утреннем небе
Провожу долгим взглядом

Три строчки, и две ещё
Коротенький скрипт на shell'e
Издали кажется — танка

Холодно. Сизые тучи.
Скажу «до свиданья»
Летнему платью.

Под капюшоном синим
Рыжие кудри вьются
Опять обозналась

Вот и пуст огород...
Облепиху вынимаю по ягодке
Из колючих ветвей

Дождь — о, как долго —
Ожиданье автобуса.
Руки в карманы.

Лужи, ручьи и дождь.
Осенний узор на колготках —
Капельки брызг

Вздохнула
Дрогнуло пламя свечи
Тихонько

Последние листья
И первые снежинки
Падают вместе

Таянье первого снега.
Замерла нерешительно —
Войти ли? — зима

Краешек шáли
Перебираю рукой.
Дождь утихает...

Освобождённые груди
Кольшутся в такт движеньям
Танцуем нагие

Ночь и свеча
Тянется к звёздам, дрожа
Язычок пламени

летнее...
Дождь пусть идёт —
В одном лишь купальнике
Вымокнуть не боюсь.

зимнее...

Ветер. По снегу
Мечется тёмной тенью
Брошенный пакет

*Сжигание прошлогодней листвы,
ботвы и прочего весной на даче*

Ещё не седина
От листвы прошлогодней
В волосах пепел

Снимем же платья! —
Так хочется искупаться
В синеве неба

2002:

Из автобуса вышла.
Ах, как зелено небо на западе!..
Вот и вечер уже...

Как холодно!
Как мало снега
Лишь лёд и ветер

спор со сторонником КПРФ

Так, говоришь, — «выживание»?
«Кого и откуда?» —
хочу я спросить

Над сохнущей лужей
Полёт автобусного билета
Весенний ветер

Бабочка-капустница
Присядь мне на плечо, —
Для кого ж одела я это декольте?

Ах, до чего красива
Ты в этом платье воздушном
Из июньского неба

Замерзает озеро
Опавшие листья в стылой воде
А как же лягушки?..

Стройна как ящерка
Как лягушка мокра, пучеглаза
Ты под душем

Веера взмах
Прочь, мотылёк, с монитора!..
Душная ночь

Полдень, спешащие люди
Луна, полускрыта за тучей
Зимнее предвечерье

Ресницы коснулись соска
О, как хочется дочкой назвать
Подругу-любимую

В комнате ночью
Свет непривычно ярок
Фонарь починили

А под опавшей листвой
Следы твоих летних сабо
На дачной тропинке

Дачи пусты — октябрь
Тихо, лишь в домике стылом
Слышно, как крысы шуруют

Круженье-головокружение
Вальс с одиночеством
Бессонной ночью

Полёт вороны
Так низко над серым снегом...
Январь. Рассвет.

Ветер
Дрогнули листья
И падают

Огонёк свечи
Как мысли беспокойные
Дрожит неровно

В предночной интимной беседе рассмешила подругу
Смущённый смех
Нагие, свободные груди
Зовут прикоснуться

Python
по лесенке
питоновых отступов
вглубь вложенных циклов

Облако в небе
Подобно свинье плывущей
Розовое. Закат.

Снимаю очки
Пусть фонари расплывутся
Лучами-цветами

А вот и весна!
Ладонка в ладонке твоей
Уже без перчаток

... любясь одной из прелестей UNIX ...
нанизаны
на stdin-stdout процессы
как бисеринки

В комнате
Свет задрожал, трепещет
Бабочка в абажуре

Под абажуром
Бабочка кружит и кружит.
Выключу свет — улетай!

Вздохом одним
Твои груди и пламя свечей
Колыхнулись

2003:

Перед зеркалом
В тёмном безмолвьи ночи
Стоишь нагая

Дожди сентября...
Увядают космеи
На школьном дворе

Сосны Академгородка
Ах, как резво взбежала белочка!
Исчезла под кроной

...с юниксоидным пижонством о житейских «делах»...

Аллегория суеты?
dd if=/dev/random of=/dev/null
Вот, извольте...

Неотличимы ночью
Чёрные пряди от рыжих
На нашей подушке

Гибкой травинкой
По приоткрытой вульве
Вечерний ветер!..

Раздевающейся подруге

На голенькой спинке
Одна лишь ленточка бикини
Алела минуту назад

Ночь при свечах,
В ванне с любимой!..
Плеск в тишине.

В сумке купальники,
статьи, Синкокинсю и Ландафшиц.
Едем не дачу!

Непослушные
Рыженькие кудряшки
Из-под бикини

Прохладно под утро,
А всё в высокой траве
Лежим и целуемся

Лицом к лицу...
Ах, как они огромны —
глаза любимой

*Ночью, лёжа в постели, подняла взгляд вслед вставшей
подруге*

Твой силуэт —
С половины зеркала
Исчезли звёзды

Ночной поцелуй.
Отражение в зеркале
При лунном свете

*Сократили путь от дачи к колодцу и теперь
оббираем друг с дружки репейники.
Да было бы с чего оббирать!..*

Прошли по заросшей тропе.
Малы лоскутки купальников,
А сколько собрали репьев!

Высокие сосны...
Откуда ты тут, стрекоза?
Просто приснилась

Тихое «тук!» —
Упала сосновая шишка
Неподалёку

Зимний полдень.
Луна, полускрытая тучей
В зеркале на столе

Лягушке из классического стихотворения Мацуо Басё

Платье — долой!
Вспомнив Басё, квакну
И прыгну в воду

4е сентября...

Солнечный день!
Подёрнулись желтизной
Ряды деревьев

осеннее

Сборы с дачи домой —
Облепиха, цветная капуста
И ворох купальников

Прохладно и тихо...
Цветущие яблони
Даже в ночи светлы

Дождь по окну...
И слышится сквозь сон
Стук каблучков твоих

Осенний лес!
Всё в брошках золотых
Пальто подруги

Снова радуюсь
Цветам фонарей вечерних
И первому снегу

Полдень миновал
Снежинки сквозь ветви сосен
В вечеряющем небе

2004:

Вспомни-вообрази,
Ласкаемая под душем,
Ливень давнего лета

Подруга у окна загляделась на первый этой осенью снег

Белое кружево
На загорелых плечах.
Снег на листве

Как распустились
Листья зелёного чая
В чашке моей

...приснилось однажды —

В предосеннем лесу,
Всю одежду в лукошки сложив,
Собираем грибы

Дуновение ветра
С качнувшегося цветка
Слетела бабочка

Изумрудные в синеве
Кружатся под ветром медленно
Вершины сосен

Июльское солнце!
Как кстати сегодня купальник
В цвет туч и тысячелистника

Осыпан хвоей
Подорожник цветущий
У корня сосны

Искрится снежинками
Под предновогодним солнцем
Лист неопавший

Ветерок над рекой,
Сплетаются ветви двух ив...
Подружечий шёпот...

Ливень за окном...
В вазе с увядшей розой
Сохнут лепестки

Ветра порыв
В кроне сосны одинокой
Замер-застыл

Как зелены ещё
Под первым снегом травы!
Тысячелистник...

Книги, торшер и ночь...
Белая шаль кружевная
Окутала наготу

Тихий ручей...
Песчаный узор на дне
И тени цветущих трав

2006:

Март, снегопад,
Снежинки так пушисты!
Росинки-блёстки в волосах.

Ветерок, колыхания
Тяжелых листьев подсолнуха.
Порхание бабочки.

Подруге, собирающей урожай

Зонтики укропа
За бретелькой купальника;
Поправляешь причёску.

Полыньи со звёздами
Меж серыми тенями облаков
В зимнем небе ночном.

В сон провалюсь
В объятьях любимой подруги
Над черновиком статьи.

2007:

Над верхушками сосен
В тёмно-синем предночном небе
Фонарь, луна и звёздочка.

Полдень январский
Низкое солнце сияет,
Искорки снежинок.

Одуванчики осени —
Желтеют цветы крестовника
На высохшем пустыре.

В травах пожухлых
Желтеют цветы крестовника.
Холодно. Солнце садится.

Как написать о луне,
Когда этот яркий фонарь
Светит в окно ночное

Полупрозрачный лес
Здесь деревья пореже... Ветер —
и первые капли дождя.

2008:

Лежу и гляжу
В ночную тьму без звёзд —
Шёлк платья твоего.

Иней в тумане...
Рыжие кудри твои
Ярче, чем солнце.

Бережно глажу
Розовой астры цветок
На платье твоём.

Даже с бикини
Долго его оббирать,
Этот репейник.

Молнии, ветер!
В ливне бы искупаться!
Да только страшно...

Обернулась ко мне —
Опять на себе оправлю
Край купальника.

Опавший листик
В рыжих твоих волосах
Почти незаметен.

Как зелены и чисты,
Полны холодных дождинок
Травы начала лета!

Маленький водопад.
Из лужи весенней в лужу —
Травинки и льдинки.

После дождя
Увесистей, глуше звук
Упавшей шишки

Лето уходит

Ветер несёт
Крылья капустницы-бабочки
по-отдельности...

Надо же, воробей
Сел на ветку укропа,
Сидит, качаясь...

Так и уснула,
Руку милой подруги
Бёдрами сжав

Приближение сумерек...
Плывёт, растекаясь, узор облаков
Всё быстрее

Самолёт (МиГ-21Ф-13) на постаменте

А вместо вихрей
С законцовок крыла
Стекают сосульки

Запах полыни...
Полупросвечены солнцем
Сочные яркие травы

Лицом к лицу
Укроемся от солнца
Под одной шляпой

Снимаем друг с дружки
Все-все, до последней, травники
После любовных ласк

Травы, цветы и солнце!
Кружат друг за дружкой бабочки,
Вышитые на купальниках

2009:

Беспокойные руки...
То так, то эдак расправляешь
Мой воротник

*Улитке. Той самой, из классического
хайку Кобаяси Иссы*

Прямо, прямо ползи,
Лапка швейной машинки,
По самому краю оборки

Ночь на даче.
Холодные качели
В каплях дождя

Трава в росе.
Как холодно с утра!
Луна бледнеет

Всюду весеннее солнце —
В лужах, в окнах, в реке и в небе
И на твоих коленях

Тропинка узкая,
Прикосновения ветвей, травы...
Воспоминания

Старое платье —
На солнце похорошели
Выцветшие цветы!

Чёрное... Белое...
Над бывшим картофельным полем
Последняя капустаница

Темнеет небо.
Вянущие травы,
Тени...

Осенний день. Тепло.
Ты обняла меня руками
И полами плаща

Холодный ветер —
Всего лишь повод чтобы
К тебе прижаться

Ни облачка —
Одна луна белеет
Иней на траве

Порывистый ветер.
Пониже надвину шляпу
И кудри твои поправлю.

ТАНКА

2001:

*В конце сентября выдался день, почти по-летнему
тёплый. Мы разделись и в одних купальниках бродили
по осенним полям и перелескам, прощаясь с летом,
любуюсь и предаваясь любви*

Осень в разгаре
На день тепло вернулось
Последняя зелень —
В жёлтой пожухлой траве
Купальников лоскутки

*Жарким июньским днём повстречала даму, в которую
была влюблена, и сочинила по случаю:*

Короткое платье
Воздушное, в стиле ампир,
Сабо и шляпка.
Вся я открыта ласке
Солнца и жаркого ветра!

Воспоминание 1991 года

Август — к концу.
Дождь заливает дворы.
Платье à la Каас.
Радость. Надежда. Свобода.
Но почему мне грустно?

Рано теперь темнеет
Силуэты, огни светофоров
В холодные лужи
Не уроню ни слезинки —
Дóма расплáчусь

Глухая печаль
Наступленья холодной зимы
Закутала всё
Землю — снегом, тучами — небо,
Одеждой — твою красоту...

Холод осенний
Кругом ни души, ни лепестка
Пустые сады
В смутной тревоге
Встречаю ранние сумерки

До́ма, вечером, наедине с любимой

Очки да сабо —
Вот это и весь наряд!
Не надо одежды —
Все сокровенности тела
Открыты милой подруге.

2002:

Неровен, извилист
полёт автобусного билета
Весенний ветер
высушил лужи почти
так же, как мои слёзы.

Всю ночь напролёт
Подружечья болтовня
В доме затихшем.
Лунной тенью по телу
Бродит рука подруги

*Собралась было принарядиться в ожидании
визита ***, но передумала...*

Очки и веер —
Вот это и весь мой наряд.
Как душен вечер!..
Стук сердца, не заглуши
Подружкин стук в мою дверь

Подругу венчаю
Венком из редчайших цветов,
Которые не увянут.
Девичьей дружбы цветенье —
Сапфическая любовь

2003:

Подтаял снег...
А ветер холоден и резок.
Тебя обняв,
Я не согрею, не согреюсь...
Лишь нежности твоей прошу

Вот и стемнело.
Светят с консоли буквы.
Звёздное небо...
Ах, допишу ли статью
Хотя бы к полуночи?

Над камышами
Трепетная стрекоза
Влажные ивы
Чуть дрожа от прохлады,
Поправляю купальник

Октябрьский ветер
Треплет, никак не сорвёт
Пожелтевшие листья
О далёкой давней подруге
Вспоминаю, любясь ими

2004:

Как и мы с тобой
Две девочки запускают
Воздушного змея!
Воспоминания детства
Сладостно-печальны...

В траве высокой
Ах, как желты одуванчики!
Ранние сумерки...
Тщета угасших надежд
Печальней с уходом лета.

Искрится снежинками
Под предновогодним солнцем
Лист неопавший...
Частица осенних печалей
Предчувствие чуда внушает

2007:

По дороге домой...

Над верхушками сосен
В тёмно-синем предночном небе
Фонарь, луна и звёздочка.
Остановившись, обнявшись
В небо глядим мы обе...

Лишь ленточки шляпы
Да бретельки купальника алые
На голой твоей спине.
Любуясь, следую за тобой
По узкой садовой тропинке.

2008:

Лежу и гляжу
В ночную тьму без звёзд —
Шёлк платья твоего.
Шепну, в тебя уткнувшись, —
«Одна лишь ты, одна...»

*Вспоминая, как мы, сидя бок о бок,
делали лабораторные физического практикума...*

Через тонкую ткань
Прикосновение твоих коленок.
Лаборатория оптики.
В темноте, за монохроматором —
Отголосок ночных объятий.

2009:

Шапка, пальто, колготки —
Все — цвета морозных снежинок,
Запорошивших рыжие кудри.
Лишь алые губы твои
По-летнему жарки и ярки!

РЭНГА двух влюблённых девушек

Кончился ливень.
Струится по дну ручья
Песчаный узор.

А на чулках узором —
Тёмные капельки брызг.

Опавший листок
В рыжих кудрях любимой
Почти незаметен.

Капли дождя на лице
Так похожи на слёзы.

Зонтик дырявый
Один у двоих подруг
Повод обняться.

Ласка украдкой: руки,
Вместе держащие зонт.

Тонкие платья —
Ах, как осязаемо
Тело подруги!

Скоро кончится август.
Предчувствие осени...

Вспомнился июнь:
Голыми в огороде
Прелесть работать!..

Раз никого в округе,
Можно совсем раздеться.

Прикосновенья:
Листья, трава, ветерок,
Девичье лоно!..

Ах! Совсем размечтались!
Ветер какой холодный...

Тучи относит
И половинку луны
Блѣклую видно

Под предвечерним небом
Длинна дорóга домой.

Уж не гроза ли?
Всѣ нарастает... ближе...
Рѣв приглушѣнный.

Запрокинула голову:
— Ан-12! Как низко!..

— Глянь-ка под ноги!
Босоножками в лужу
Ты чуть не встала.

Капля упала с зонта,
Разбив отражение.

Где-то машина
Так надсадно сигналит!
Душу тревожит.

Лужу не перепрыгнуть —
Платье уж слишком узко

Не оступиться б! —
Шествуя по бордюру
Прямо как в детстве

Мокрые акации...
Сколько воспоминаний!

Девочка в губы
Поцеловать посмела
Подружку!.. Ливень...

Капель густой водопад
Всѣ сокроет от взгляда

Дождь, глухо шумя,
Хлещет листву и лужи.
Негде укрыться.

В одних лишь купальниках
Вымокнуть и не страшно

Ах, Алма-Ата!
Под струями фонтана
Как не резвиться!

Юрко головастики
Над камешками снуют.

Квак лягушачий
Из камышей донёсся.
Солнце садится.

Небо пылает алым,
Жёлтым, златым, зелёным!

Лес отдалённый.
Первая позолота
Осени близкой.

Красотой законной
Встречает хозяек дом

Вдвоём за столом
В сумеречной квартире
Сидим, раздевшись.

Журчание тёплой воды
Наполняющей ванну

Медленно, нежно
Гладят женские руки
Тело любимой

...изнеможенье... длится...
...нестерпимая... сладость...

Простыни смяты.
Платья, бельё обеих
Сброшено в кучу.

Складываю неспешно
В шкаф всю нашу одежду.

Очки да сабо —
Вот это и весь наряд!
Домашний вечер...

Лишь три вещицы всего —
Словно три строчки хайку.

Очки на трюмо
И сброшенные сабо
Там же, под креслом.

Полнейшая нагота
Пленительна в темноте

Всю ночь напролёт
Подружечья болтовня
В доме затихшем.

Укрытая тучами,
Даже луна уснула.

СТИХИ

К Сафо

Всё, что осталось от души живой —
Лишь несколько десятков строчек.
Они обломкам статуи подобны,
Разбитой временем на мелкие осколки.
Твой мир погиб. И из-под толщи
Неисчислимых лет и поколений
Встают его печальные руины —
Твои стихи...

лето 1993

К *

Я голову положила
На нежную твою грудь.
Дремлю, обо всём забыла.
Родная, ты мне подарила
Волшебного счастья чуть-чуть.
Но ты мне только приснилась.
Родная, ты так далека!
Исчезла, едва появилась.
Утро. Ты в нём растворилась,
Осталась лишь в сердце тоска...

лето 1993

Сон

Девушка едет на мыши,
Грустную песню поёт.
Песню лишь мышь и слышит,
Мышь та рассветом дышит
И по росе идёт...

ноябрь 1992

Афродите

Афродита, милая,
Добрая, прошу тебя,
Сделай, чтоб забыла я
Грусть-тоску лютую.
Афродита, нежная,
Подари, родимая,
Радость безмятежную
И любовь счастливую.

лето 1993

Две девушки

Две девушки, две подружки
Смеялись и обнимались
Среди толпы снующей
На остановке трамвайной.
А ими я любовалась,
Их счастьем была так рада!
Но с радостью грусть сплеталась,
И одиноким взглядом
Подружек я провожала...

май 1994

*Стихотворение, написанное в ту пору,
когда лемле виделись мне женщинами-ящерками:*

Милой ящерке

Как я ужасно запуталась
В жизни, в мечтах, в любви!..
Я так прошу, молю тебя, —
Ящерка, оживи!
Сделай с листа бумажного
Шаг, лишь один шагок!
Пусть глаза мои влажные
Твой лизнёт язычок.
И мы обнимемся ласково,
Нежно... Рева в три ручья,
Я прошепчу тебе счастливо, —
«Здравствуй, любовь моя!..»

ноябрь 1995

Придуманной подруге

Сердце рвётся к тебе, через боль, пустоту,
Я тянусь к тебе вся, через холод отчаянья,
Я молюсь тебе, верю в твою доброту,
Нежно-чуткую, ласково-необычайную.
И я мысленно плачу, обнявшись с тобой
В своих грёзах печальных, тоскливых и светлых...
Ты придумана... знаю... Но голос твой
Шепчет мне о любви твоей беззаветной.
Ты одна у меня, в целом мире одна
Ты подруга моя, ты любовь, ты надежда.
Моя нежная, милая, знай, я верна
Тебе буду всегда, как сейчас, как и прежде.
Сердце рвётся к тебе, через боль, пустоту...

ноябрь 1995

Ветру и ведьме

Унеси меня, ветер,
В мир, где нет смерти,
Где нет страха и боли,
Где покой есть и воля.

Увези меня, ведьма,
Через ночь в лунном свете,
На планету иную,
Где никто не тоскует,

Где свободна любовь,
И горда, и открыта,
В тайный мир моих снов,
Ненадёжно сокрытый...

март 2000

Силуэт

Уйдёт тревога, боль, печаль —
Останется покой
И ночи звёздный свет и даль,
И мы вдвоём с тобой.

Тебя ласкаю и молнюсь
Тебе, любовь моя.
К тебе тянусь, к тебе стремлюсь
И приникаю я.

Люблю твой стройный силуэт
В лучах полночных звёзд,
Чей робкий и несмелый свет
Мне образ твой принёс...

январь 2001

Колыбельная подруге

Нет тревоги, нет печали
Только я одна,
Да луна в небесной дали,
Полная луна.

Я лежу с тобою рядом,
Белочка моя.
Спи, печалиться не надо...
А потом и я

Задремлю, тебя лаская,
И прильну к тебе,
Моя нежная родная
Звёздочка с небес...

Свет мерцающий и зыбкий,
Свет твоей любви,
Тихой грусти и улыбки,
Радость оживит,

Радость, тихую как полночь,
Хрупкую как ты,
И покой, надежды полный,
Неги и мечты.

январь 2001

Предожидание

Как ночь печальна!..
Как нежна
Твоя ладошка на груди!
Луна хрустальна,
Холодна...
Синичка на окне сидит...

Твоё дыханье
И трепет сердца моего..
Предожиданье —
Утраты? Радости? Чего?

январь 2003

Оглавление

ПО ДРУГА.....	3
ЦВЕТЫ САПФИЧЕСКОЙ ДРУЖБЫ.....	8
Днём и вечером.....	8
Предутренняя гроза.....	8
Июнь.....	9
Стылое озеро.....	10
Цветы на день рождения.....	11
Узнала старую подружку?!.....	12
МИНИ-РАССКАЗЫ.....	14
СПИ, МОЯ ПРЕЛЕСТЬ.....	14
ПРОСНУЛАСЬ ГЛУБОКОЙ НОЧЬЮ.....	14
ТОСКА.....	14
КАКАЯ ТИШИНА!.....	14
МЫ ВСПОМИНАЕМ.....	15
ТЫ СЛУШАЕШЬ ОСЕНЬ.....	15
ХРУПКА И ОДИНОКА.....	15
УНЕСТИ ТЕБЯ.....	16
ЛЕСБИЯНКИ ОЧАРОВАТЕЛЬНЫ.....	16
НОЧЬ — ДЛЯ ЛЮБВИ.....	16
ЛАСКАЮ ТЕБЯ И ЛЮБУЮСЬ ТОБОЙ.....	17
ТОЛЬКО ТЫ ОДНА.....	17
БЕЛОЕ И ЧЁРНОЕ.....	17
ТВОЙ ТЁПЛЫЙ СВЕТ.....	18
ДОЖДЬ.....	18
КРУЖЕНИЕ.....	19
УТЕШИТЕЛЬНИЦА.....	19
РИСУЕШЬ ГРАФИКИ ШПИЛЬКОЙ.....	19
ТАК ЧТО ЖЕ ИХ СВЯЗЫВАЕТ?.....	19
КААС, ЗИМА 1991.....	20
ПОЛЁТ ПИНГВИНА.....	20
ПЫЛИНКИ, ПУШИНКИ, ПАУТИНКИ.....	20
ТЕМ, КОГО Я ЛЮБЛЮ.....	21
ПОГЛАДЬ МЕНЯ.....	21
ТЫ И ЛЯГУШКА.....	21
УТКНУТЬСЯ И ЗАМЕРЕТЬ.....	21
СТОРОНЫ.....	21
УЮТ БЛИЗОСТИ.....	22
ПУСТОТА.....	22
ВЫПОРХНУТЬ В КУПАЛЬНИКЕ.....	22
ТАМ, ВО СНЕ.....	23
ТЫ ПОЁШЬ ПЕСНИ ПИАФ.....	23

ГОЛАЯ И ЗАСПАННАЯ.....	23
ИДУ РЯДОМ С ТОБОЙ.....	23
ПИРОГИ.....	24
ПРИЗРАЧНОЕ УКРЫТИЕ.....	24
СВЕТ НЕДНЕВНОЙ.....	25
ВЕЧЕР.....	25
НОЧНАЯ ГРОЗА.....	25
ЗОВ НОЧИ.....	25
ТЁПЛЫЕ ЦВЕТА.....	26
НОЧЬ ТРИУМФА.....	26
ХОТЬ ШАЛЬ НАКИНУ.....	26
НАД ЛЬЮЩЕЙСЯ ВОДОЙ.....	27
ПОЙМАТЬ МЫСЛЬ.....	27
ТО, ЧТО ВСЕЛЯЕТ СМУТНУЮ НАДЕЖДУ.....	27
ДВОЕ ПОД ОДНИМ ЗОНТОМ.....	27
НОЧЬ, ПОМОГИ!.....	28
ТО, ЧТО ВЫГЛЯДИТ ВЕСЬМА ВНУШИТЕЛЬНО.....	28
СПЛЮ С ТОБОЙ.....	28
САМЫЕ МИЛЫЕ ЖЕСТЫ.....	29
ОТЧАЯННО-ЖГУЧАЯ НЕЖНОСТЬ.....	30
ДОМОЙ.....	30
УХОДЯЩЕЕ СЧАСТЬЕ.....	30
ТО, ОТ ЧЕГО СЕРДЦЕ СЖИМАЕТСЯ В ТОМЛЕНИИ-ОЖИДАНИИ.....	31
ВЕСНОЙ ПРЕЛЕСТНО РАННЕЕ УТРО.....	31
СБОР ЯГОДЫ.....	31
ЯВА.....	32
ПОДРУГИ, СИДЯЩИЕ БОК О БОК.....	33
ЛОСКУТКИ ЛЕТА.....	34
ТЫ — МЯГКАЯ.....	35
ПРОЗРАЧНЫЕ КРЫЛЬЯ НАГОТЫ.....	35
МОЛЧАЛИВОЕ УВЕРЕНИЕ.....	36
БОК О БОК И РУКА ОБ РУКУ.....	36
МОЯ МИЛАЯ РЫЖАЯ.....	37
Рассказы-хайбун.....	38
Июнь.....	38
Стылое озеро.....	39
Цветы на день рождения.....	40
Белоснежность.....	40
Дама с веером.....	41
Среди бабочек и подсолнухов.....	41
Короткая юбка.....	42
ХАЙКУ.....	43
2000:.....	43

2001:	43
2002:	46
2003:	49
2004:	52
2006:	53
2007:	54
2008:	54
2009:	56
ТАНКА.....	59
2001:	59
2002:	60
2003:	60
2004:	61
2007:	61
2008:	62
2009:	62
РЭНГА	
двух влюблённых девушек.....	63
СТИХИ.....	67
К Сафо.....	67
К *.....	67
Сон.....	67
Афродите.....	67
Две девушки.....	68
Милой ящерке.....	68
Придуманной подруге.....	68
Ветру и ведьме.....	69
Силуэт.....	69
Колыбельная подруге.....	70
Предожидание.....	70